

АЛЕКСЕЙ ПОЦЕЛУЙКО

МЕЧ ИУДЫ

или

ОККУПАЦИОННЫЙ ПЛЕН
БАЛАКЛЕИ

ОТКРОВЕНИЕ 13:10

2022

Редактура: Кашаньк Богдан, Власова Елена

Верстка: Власова Елена

Дизайн обложки: Клименко Максим

© Поцелуйко Алексей, 2022

Ибо мы не хотим оставить вас, братия, в неведении о скорби нашей, бывшей с нами в (Балаклее), потому что мы отягчены были чрезмерно и сверх силы, так что не надеялись остаться в живых, но сами в себе имели приговор к смерти, для того, чтобы надеяться не на самих себя, но на Бога, воскрешающего мертвых, Который и избавил нас от столь близкой смерти, и избавляет, и на Которого надеемся, что и еще избавит, при содействии и вашей молитвы за нас, дабы за дарованное нам, по ходатайству многих, многие возблагодарили за нас.

2 Коринфянам 1: 8-11

Пролог

Информация, изложенная в этой книге, являет собой документальный очерк происходивших событий в оккупированном городе Балаклея вследствие полномасштабного вторжения вооруженных сил российской федерации на территорию Украины под эгидой, озвученной местному российскому электорату как проведение “специальной военной операции”, на деле же являющейся наиболее жестокой и подлой войной со времен Второй мировой. Книга написана от первого лица в стиле дневника, содержит фотографии, ссылки на видеоматериалы и статьи в интернете, воспоминания непосредственных свидетелей, творческий плач жителей города, почувствовавших на себе оккупационный плен, в форме стихотворений, а также общеизвестные факты, соучастниками которых неволей стали тысячи обычных украинцев.

Посвящается любимой жене Анюте, сыновьям Никите и Кириллу, а также родителям, в надежде ещё увидеть их, с благодарностью ко всем тем, кто вместе со всей нашей страной переживал эти судьбоносные, но титанически тяжелые дни войны и оккупации.

Жизнь до...

Балаклея – украинский городок в Харьковской области с населением в примерно тридцать тысяч жителей, расположенный в живописном месте, окруженный лесами и реками. Жизнь шла своим чередом, каждый спешил на работу, дети шли в школы, малышей вели в детские садики. Работали фермы, заводы, сеялись поля, понемногу преображался и сам город. Почти в каждом дворе пестрели детские площадки, во многих местах города были установлены уличные спортивные тренажеры и оборудованы футбольные мини-поля, заканчивалась реконструкция Дворца спорта, а в парке работал красивый фонтан с подсветкой, возле которого по вечерам играло уличное фортепиано.

По городу чинились дороги, по всем улицам проводилось современное освещение, расширяли супермаркет и расстраивали магазины. Казалось бы, жизнь бурлит, инфраструктура за долгие годы наконец-то выходит на новый уровень, и ничего не предвещало беды...

Хотя и предвещало, но в это мало кто верил, даже и сейчас с трудом осознается...

Но нет ничего нового под солнцем, как сказал Екклесиаст, и на этот раз грех Каина, заключавшийся в убийстве невинного брата Авеля, повторился со всей жестокостью, будучи пророчески предсказанным еще в Евангелии от Матфея: “Предаст брат брата на смерть... восстанет народ на народ и царство на царство”.

Внезапно, будто врывающийся в тёплый зимний дом, наперекор всему, и даже застекленной преграде, до ужаса пронизывающий отвратительный ветер, непрошено и мерзко вторглась в родной дом украинцев ненавидимая всеми, кроме убийц, война.

24 Февраля 2022 года, примерно в 5 часов утра по Киевскому времени, российские войска вошли на территорию восьми областей Украины, одновременно начав вторжение с севера, востока и юга.

Одним из первых выбранных направлений российской армии для захвата территорий Украины в направлении Харьковской области стал город Балаклея.

Мирные жители при виде военной техники и вооруженных солдат пытались спасти и оградить от войны в первую очередь женщин и детей, ища укрытия в соседних городах и селах, направляясь ближе к западной части страны.

Огромная колонна военной техники отправилась в сторону Балаклеи.

Резко прекратилась доставка продуктов, полки магазинов опустели, невозможно было найти даже хлеба. Оперативно в селах, в поселках и городах устраивались импровизированные бомбоубежища – в основном это были подвалы школ и многоэтажек. Люди, находившиеся в командировках и на работах, спешили домой “сломя голову” к своим родным семьям, которые были в опасности...

Первые жертвы

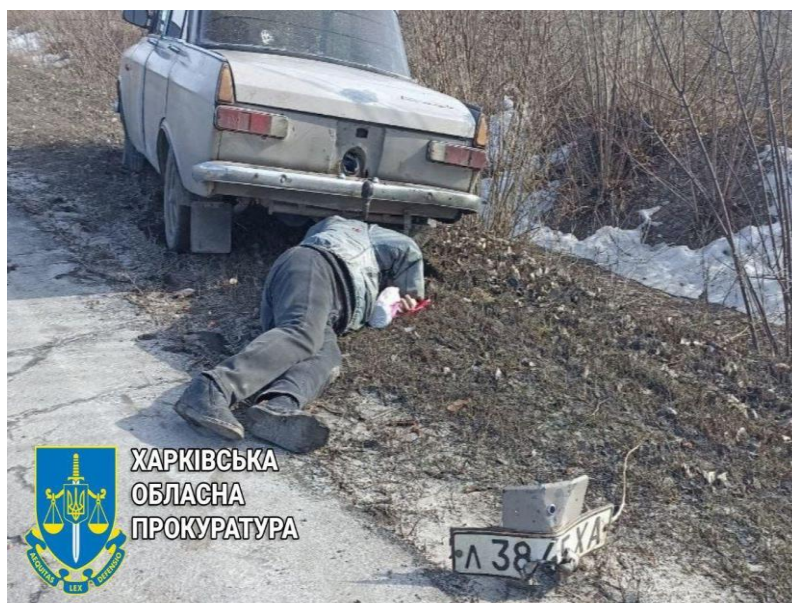
26 февраля один из автобусов в Харькове выехал по маршруту в сторону Славянского направления. В это время к Волоховому Яру подступали незваные российские “освободители”. Увидев автобус они применили оружие, тем самым расстреливая из автоматов и пулеметов обычный междугородный автобус. Водитель и семеро пассажиров погибли сразу. Военные российской федерации, которые были на месте расстрела, не давали приехавшим медикам зайти в автобус, чтобы сосчитать погибших и оказать первую медицинскую помощь пострадавшим. Оккупанты позволили забрать только раненых, их повезли в больницы Чугуева и Балаклеи. А тела погибших длительное время не давали забрать никому. Лишь спустя некоторое время пустили старосту Волохова Яра для опознания тел невинно убитых. Там, среди погибших, была мама нашего брата – Христин Валентина.

<https://youtu.be/EoFe8HEgiFU>

Уже тогда становилось понятным, что русский террор, пришедший на земли Украины, лишь набирает свои карательные обороты, и география его охватит каждый городок и село, незаконно оккупированные российской федерацией.

В этот же день, отец нашего брата, Николай Полтавец, выехал в село Яковенкове на своем стареньком москвиче, чтобы из села забрать знакомую и перевезти в Балаклею. В это время российские войска, которые стояли у села, остановили машину и жестоко убили Николая прямо возле его машины.

<https://2day.kh.ua/ru/kharkow/na-doroge-v-kharkovskoy-oblasti-rasstrelyali-avtomobil-voditel-pogib>

В таком виде он пролежал на обочине почти 10 дней, после чего его сыну удалось забрать тело убитого отца и предать земле на одном из кладбищ города.

Когда-то небо было чистым

В это время, в Балаклее, церковь “Свет Евангелия” восполняла нужду города в недостатке хлеба, экстренно организовав выпечку прямо в здании церкви. Мы решили помочь тем, кто был не в состоянии выйти из дома по болезни или по старости. Из-за резкого дефицита достать муку или дрожжи было почти нереально, но Бог усмотрел, и в соседнем поселке Савинцах нашлось два мешка отборной муки, которую мы с радостью доставили на место выпечки.

Так, не подозревая о надвигающейся опасности, работа по выпечке и доставке хлеба была в самом разгаре. Были созданы команды пекарей и доставщиков, которые могли послужить личным транспортом. Малая часть

хлеба была дрожжевым, а большая – пресным, так как дрожжей не смогли отыскать. Но мы были и тому рады!

Когда хлеб был испечен, уже наготове была команда тех, кто должен был развезить этот хлеб и в подарок к нему духовную пищу – Евангелие!

Около 14.00 грузилась последняя партия хлеба и уже была отправлена в путь, но через 3 минуты с российского самолета была сброшена огромная бомба на военный городок находившийся в черте города...

Весь город содрогнулся. Гриб от детонации напоминал ядерный взрыв. Шатались дома которые были в 5-10 километрах. Взрывная волна пронеслась по всему городу, не щадя ничего на своем пути...

В здании церкви, как и в во многих домах, взрывной волной выбило окна, и слава Богу, что **за 3 минуты до взрыва, из храма вышла последняя команда людей, развозивших хлеб.** Куски стекла и сломанные рамы разлетелись, словно взрывной снаряд, в тех комнатах, где еще стоял ароматный запах свежее испеченного хлеба...

Не знаю, смогли ли люди понять Божью милость и защиту, что при таких огромных взрывах и разрушениях не погиб ни один человек? Многие понимали, что произошло необъяснимое чудо...

Нашу машину взрыв застал почти напротив вокзала – в нескольких километрах от эпицентра. Мы не сразу смогли понять, что происходит: жена была за рулем, машина загружена ещё горячим хлебом, а мы – как раз на подъезде к перекрестку. От удара взрывной волны в автомобиле вырвало

боковые фонари указателя поворота и внутренний фонарь подсветки салона. Стёкла чудом уцелели. Быв в шаге от контузии, мы быстро сориентировались и уже на всей скорости летели в сторону дома, где были дети...

Единственный страх который разрывал сердце – дома остались дети. Подъезжая к дому отчетливо увидел, как еще минимум три ракеты, снова неслись в сторону военного городка... спустя несколько мгновений вновь раздались взрывы.

Начался хаос. Кто мог бежал в укрытие, подвалы домов и погреба, пытаясь захватить с собой самое необходимое и важное. Дети в испуге плакали не понимая, что происходит. Это было началом чего-то ужасного.

В укрытиях люди находились подолгу, так как взрывы не прекращались, и лишь некоторые смельчаки пользуясь коротким затишьем, бежали подальше от города.

В течение короткого времени город почти опустел. Кто-то смог уехать, кто-то бежал сломя голову насколько хватало сил, лишь бы подальше от города в поисках безопасности...

Для тех, кто остался в укрытиях, продолжался ад вперемешку с отчаянием и страхом.

Это был целенаправленный удар по складам боеприпасов – никто не брал в расчет тысячи жизней мирных людей живущих вблизи.

Впоследствии, во многих домах были выбиты двери, окна, разбиты крыши, горели некоторые здания, дома, гаражи, автомобили... Город во многих местах был обесточен, не было воды и отопления.

И снова Церковь в эпицентре событий

Наряду со спасателями ГСЧС, полицией, поместная церковь “Свет Евангелия”, имея опыт помощи и служения людям в экстремальных условиях, отреагировала на нужды населения помогая в эвакуации людей. Сам пастор церкви, – Салфетников Александр Сергеевич, – возглавил оперативную группу транспортного отдела. Члены поместной церкви предоставляли личный

транспорт для вывоза людей из города. Курсировал церковный автобус. Даже человек без ноги, – Скирда Роман, – на своей “Славуте” послужил для многих примером и вдохновением в помощи нуждающимся.

Люди, бежавшие от взрывов, брали с собой множество вещей, как будто собирались менять место жительства, брали документы, домашних питомцев, а некоторые в состоянии шока бежали, забыв одеть даже верхнюю одежду.

Бомбоубежища в соседних сёлах и посёлках оперативно принимали лю-

дей. С организацией питания возникали сложности, так как к таким событиям никто не был готов. Те люди, которые были приучены к сбережениям и подготовке к “черным дням”, делились друг с другом своими запасами. Кто имел средства мог себе позволить купить что-то из остатков на полуопустевших полках магазинов. Местное руководство сёл помогало продуктами по возможности, но при таком количестве людей всё вскоре заканчивалось.

В еле освещенном подвале местной школы в селе Шевелевка, укутавшись одеялами, рядами сидели на лавках люди, прижимая к себе испуганных детей. Кто-то создавал списки присутствующих, кто-то искал медработника на случай недомогания, кто-то раздавал чай и проводил инструктаж по безопасности, а люди всё прибывали и прибывали. На улице, проявившие инициативу мужчины, пытались организовывать работу электрогенератора. Люди, спасавшиеся от войны, ночевали в подвале школы. Некоторые спали прямо в классах, где раньше проходили занятия. Еду готовили, пользуясь школьной кухней.

Забегая наперед скажу, что эти сёла, окружавшие город, сильно пострадали от авиаударов, реактивной и ствольной артиллерии российских вооружённых формирований. Первыми, по непонятным причинам, россияне

старались бомбить именно школы и садики, фермы и жилые районы мирного населения...

В эту сельскую школу мы эвакуировали людей из Балаклеи. Точнее, на фото изображены руины, которые когда-то были школой...

А вот так освобождали российские военные жилые дома гражданского населения села Шевелевка. Освобождали от нормальной, обычной жизни...

“Дети подземелья”

В это время многие уже прятались в погребах и подвалах. Вскоре мы с детьми присоединились к подвальной жизни.

Впоследствии приходилось объединяться семьями, находясь в поисках более безопасного места и уцелевшего жилья. Так, под одной крышей дома в погребе, который послужил нам приютом, нас оказалось 15 человек: девять взрослых и шестеро детей, из которых двое были грудными.

В погребе был запас воды и продуктов, аптечка, одеяла, свечи. В укрытии, под грохот взрывов, мы вместе молились о Божьей защите, пели, общались, а иногда просто молчали, пытаясь уснуть. Было холодно. Мы прижимались друг ко

другу плотнее, и так проходили часы – примерно в таком положении находились все, кто остался в пределах города.

Когда наступала пауза тишины, заходили в дом погреться, поесть и поспать, если удастся.

Спали на полу на матрасах под стенами, чтобы, в случае взрыва, окна разбившись, не попали на нас. Снаружи окна забились досками, для безопасности. Спать приходилось одетыми, чтобы во время обстрелов, максимально быстро подхватить детей и, выбежав на улицу, успеть спуститься в погреб.

В глазах матерей был страх и безысходность...

Утром 28-го февраля мы с братьями и сестрами из числа тех, кто принял решение остаться в городе, поехали в наш храм для уборки последствий взрывов. Все большие окна лицевой стороны здания, двери, во многих местах потолки, были разбиты, вырваны, разбросаны. Лишь крест незыблемо стоял на своем месте среди разрухи и груды битого стекла.

Мы оперативно убирали стёкла, забивали окна, делали резервные запасы воды. Крышу и фронтоны тоже разорвало во многих местах. Немного приведя храм в относительный порядок, разъехались по своим домам устранять разрушения.

И снова потери

Полномасштабная война входила в наш город: периодически летели снаряды, ракеты, скидывались авиабомбы. Всё было внезапно...

По дороге домой я встретил своего друга, поспешно шедшего с женой по направлению к центральной части города. Пообщавшись с минуту, мы расстались. Расстались, как оказалось, навсегда. Через минут десять, Саша услышав свист летящего снаряда, прикрыл собою свою жену (со слов очевидцев). Так погиб мой друг – Александр Бугаря.

Ещё много людей в городе были ранены и убиты. Все они были мирными жителями.

Один из снарядов “града” прилетел и к моему дому, оборвав провода линии электропередач, запутавшись в которых упал в 2,5 метрах от ворот моего дома, но, к счастью, не сдетонировал.

В городе жизнь остановилась. Российские войска, предварительно обстреляв город мирных жителей, приближались все ближе и ближе.

Незванные “гости”

2 марта 2022 года, после обеда, в Балаклею въезжали колонны военной техники различной модификации. В город пришел незванный “русский мир”.

<https://korrespondent.net/ukraine/4453417-v-balakleui-zakhodiat-voiska-rf>

Первым делом, после захвата города, были расставлены блокпосты.

На постах вначале доминирующим числом стояли буряты. В последствии они начали вести себя очень дерзко и нагло. Российские “доблестные спасатели” решили спасти местное население от нормальной жизни, начав врывать среди ночи в дома к людям, тыча в сонных людей автоматами, выбивая закрытые двери, расстреливая шкафы, посуду, забирая у местных жителей частного сектора живность: кур, свиней, овец. Некоторые пострадавшие люди жаловались военному оккупационному руководству, и постепенно буряты исчезали, а на их место подвозили чеченцев и мобилизованных людей самопровозглашенных “ДНР” и “ЛНР”. Последние говорили, что к их производствам на шахту пригнали автобусы, загрузили всех мужчин и привезли в другую часть Украины, переодели, дали оружие и принудили служить. Воевать, с их слов, они не желали, но деваться было некуда и приходилось выполнять боевые приказы. Да только никто из них особо не гнушался богатым перечнем военных преступлений, которые числились и за ними. Это также было частью “боевых приказов”?

По периметру города было расставлено 12 блокпостов. Блокпосты оккупанты делали по “последней моде”: из блоков, мешков с песком и досок, а на некоторых полы застилали резиновым покрытием, сорванным на детских площадках. Людей, которые жили в радиусе 5 домов от постов, выгоняли,

занимая их жилища, а самих людей отправляли в подвал школы, где они и продолжали находиться длительный срок.

Пришел, увидел, обокрал...

Вначале россияне у местных жителей отбирали автомобили, телефоны, скутеры, охотничьи ружья, генераторы и другое. После “русский мир” шагнул дальше: подгоняли грузовики к аптекам, продуктовым магазинам, складам, магазинам бытовой техники и всё, что могли, грузили в машины и вывозили в “известном” направлении. Это был наглый, жестокий грабеж оккупированного города.

<https://gordonua.com/news/war/vlasti-rf-razreshili-svoey-armii-maroderstvovat-v-ukraine-gur-minoborony-1599623.html>

Кстати, слово “оккупация” запрещали говорить, объясняя тем, что мы свободны и можем ехать. Правда, только в сторону России.

Коридор на территорию, подконтрольную Украине, был почти закрыт, но мы ещё смогли немного вывезти людей. Это был особый контингент: жены и дети украинских военных, оставшиеся в оккупированном городе и сёлах, на которых шла циничная охота, а также обычные мирные жители, пытавшиеся спасти себя и своих детей...

Слава Богу, Он давал нам мудрости и защиты проезжать вражеские посты невредимыми.

Для нас это была “дорога смерти”. Этот путь был под постоянным прицелом и часто обстреливался, поэтому нам приходилось быть в напряжении физическом, моральном и духовном. Проезжая этим путем, мне приходилось мысленно прощаться с жизнью, с женой, детьми, родными; но делал глубокий вдох и ехал.

Со стороны может кому-то показаться глупым, рисковать собой ради незнакомых людей, но мы по-другому не могли – к этому нас побуждал Бог.

“...Спасай взятых на смерть...” Притчи 24:11

Пожарный бежит туда, откуда убегают люди, спасаясь от огня... Так и христианин должен суметь стать в проломе за свой народ, подставить плечо, защитить и, если нужно, пойти на риск. Служили людям, кто чем мог, кто как мог, насколько Бог давал сил.

Рождение сквозь муки

Так, утром 10-го марта бригада скорой помощи получила экстренный вызов: роды. К месту вызова медработников не пропустили российские военные.

Роды у 18-летней девушки на дому принял местный фельдшер. Под звук обстрелов в этот мир родилась здоровая девочка. Роженицу с ребенком впоследствии удалось госпитализировать.

<https://donpress.com/news/12-03-2022-v-balaklee-rossiyskie-zakhvatchiki-ne-pustili-medikov-k-rozhenice>

Операция – эвакуация

В это время мы продолжали заниматься эвакуацией. Многие люди смогли выехать.

Мы с пастором приняли решение остаться и служить людям города и церкви. Моя жена и двое детей также смогли выехать на безопасную территорию, хотя, честно говоря, я их уже не надеялся увидеть, так как где-то в глубине души понимал, что живым мне отсюда уже не выйти...

Спасаящихся от войны мы вывозили в сторону тыла Украины на относительно безопасную территорию, передавая брату Юрию Жалдаку, который вёз их до границы запада Украины. В обратную сторону Юра вёз нам гуманитарную продуктовую помощь и медикаменты от друзей с Украины и зарубежья! А также весьма ощутимую помощь для нас оказали христиане Харькова и Генеевки во главе с их служителем Владимиром!

Так мы завозили в город продуктовые пакеты и лекарства, стараясь служить гуманитарной помощью людям, находящимся в селах и поселках Пятигорском, Андреевке, Покровском, Пришибе, Вербовке, Савинцах и в самом городе.

На днях, две волонтерские машины въехавшие в город с продуктами, были остановлены и забраны русскими военными вместе с водителями и продуктами. Наш маршрут становился все рискованней и опасней, но это нас не останавливало. Пока был шанс проехать на территорию, подконтрольную Украине, мы делали свое дело...

В это время мои родители и ещё семь человек оказались в “ловушке” под обстрелами в соседнем селе Асеевка. Их не смогли эвакуировать и они спасались там, живя в погребе, почти на грани безысходности. Село было под постоянными обстрелами, подъезды перекрыты, и забрать их оттуда не было

возможности. Моё сердце рвалось на части от того, что я не мог помочь своим родным. Но вот Бог послал момент “тишины” и пропуск через закрытый пост, и я решился ехать, чего бы мне это ни стоило. Дорога была одна – через село Меловая. Проехав его, мне оставалось совсем немного – 12 километров, как я уткнулся в ограждение “Дорога заминирована”. Путь был закрыт, но я не мог остановиться, не мог бросить своих родных под обстрелами. Я принял решение ехать вперед. Не знаю как, но я просто ехал и молился, молился и ехал, и с Божьей помощью через минут двадцать я добрался к цели – **Бог шел впереди меня, направляя куда нужно и храня.** И вот, находясь у дома, где были мои родные, предо мной предстала ужасная картина, напоминающая Освенцим: из погреба выходили грязные, холодные, измученные, одетые в несколько курток взрослые и дети. Все плакали то ли от счастья, то ли от безысходности. Времени было мало. Мы погрузились в транспорт и ринулись скорее подальше, к свободе.

Коридор в сторону контролируемой Украиной территории сужался всё сильнее и сильнее. Дважды меня не пускали обратно в город и мне приходилось жить на нашем складе гуманитарной помощи в соседнем селе (с голоду я там точно бы не умер!) Но через день-два Бог приоткрывал дверь, и я мог заехать обратно в город. Вскоре этот путь был отрезан окончательно, вывозить людей стало невозможно. Единственная дорога к свободе была закрыта...

Гуманитарные тропы

Очень часто Бог был по-особенному близок и нёс нас на Своих руках, охраняя от зла. Четыре раза мы попадали под обстрел, выезжая по уже озвученному направлению.

Первый раз это случилось, когда, вывозя людей, мы услышали залп артиллерии и, прижавшись к обочине, подождав несколько минут, в мнимой безопасности решили прорываться. Когда выехали на дорогу, она была вся в осколках. Дымело всё в округе. Я понимал, что выехав немного раньше мы попали бы прямо под обстрел. Люди, которых приходилось вывозить, часто в пути молились, кто еле слышно, кто про себя, шевеля лишь губами, и я вспоминал высказывание, что на войне атеистов нет... Ну, то и слава Богу! **Привозя людей к месту назначения, мы многим дарили Евангелие в надежде, что о Том, Кому они молились, они смогут узнать намного больше из Слова Божьего.**

Со мной в команде была верная и бесстрашная помощница – сестра Погорелова Людмила, которая смело шла через все препятствия и жертвенно, с полной отдачей, служила людям. Посещала больницу, больных на дому,

разносила продукты и лекарства, помогала в уборке разбитых жилищ, сопровождала гуманитарный груз и служила в формировании продуктовых пакетов, распределении медикаментов.

Второй раз, когда мы пробивались к Украинской стороне за медикаментами, нас обстреливали с минометов со стороны “освободителей”, находящихся на окраине села Вербовки. Мы укрылись на обочине возле дороги – мины ложились мимо. **В подобные моменты ощущение Божьей защиты чувствуется особенным образом.**

Третий раз, как в песне “На том же месте, в тот же час”, только по нам “работали”, то ли с гаубиц, то ли из САУ – одиночные снаряды со свистом разрезали воздух и ложились в стороне от нас, оставляя рваные ямы на лице земли.

Четвёртый раз, не веря своим глазам, но опять примерно на том же месте, в тот же час, мы снова попали под обстрел (видно уж больно им нравилось это место, так как рядом был украинский блокпост). В этот раз нам повезло меньше и страху мы все-таки набрались – в небе появился вражеский самолет. Вот только интересно всё происходило: сначала мы слышали звуки летящей бомбы, видели, как земля после взрыва поднималась черной тучей выше деревьев, а лишь через мгновение слышали сам гул самолета пролетавшего мимо. Так, в три захода, он сбросил три бомбы, а сердце от мощности взрыва невольно сжималось, и ужас наполнял всё изнутри... **Но слава Богу, что снова мимо, и мы целые, невредимые, везли домой продукты и медикаменты по израненной войной дороге...**

<https://graty.me/gallery/osvobozhdennaya-balakleya-vozvrashhenie-k-zhizni/>

“Кровавый крест”

Как только российские оккупанты вошли в город, из их военного руководства приехали в больницу для встречи с главврачом. Они поставили блокпост возле роддома, заселились в аптеку и близлежащие дома, предварительно выгнав жильцов. Установили бронетехнику. Для своих медицинских нужд “попросили” помещение. Им выделили отдельное здание инфекционного отделения. “Отжав” необходимое медоборудование у наших медиков, сразу же начали свозить своих раненых. Наши врачи конечно же не были рады такому соседству, им пришлось по возможности скрывать наличие и нахождение медикаментов, уберегая от “отжатия”. Обеспечение оккупационного госпиталя состояло из медикаментов, украденных из аптек города. Что-то банальное они привезли из своих запасов, правда, те же бинты значились 1994-го года выпуска. Из их врачей был военный хирург, травматолог и анестезиолог, но толку от них не было, и всех тяжелораненых приходилось оперировать местным медикам.

Однажды настал какой-то особенный, непонятный день. По неизвестным причинам все военные покинули территорию больницы, вывезя своих больных, аппаратуру и койки, в связи с чем наши медики забеспокоились. Как оказалось – не зря... По словам очевидцев, сразу после того как военные выехали за пределы больницы, начались обстрелы здания: около пяти снарядов нанесли разрушения помещениям.

<https://war.obozrevatel.com/okkupantyi-popali-v-rajbolnitsu-balaklei-mer-kotoroj-poshel-na-sotrudnichestvo-s-rf.htm>

В рентген кабинете был прорыв воды, на 3-м этаже пожар, местами пробита крыша и выбиты окна, в пищеблоке была большая дыра в стене. Жертв, к счастью, не было, но один человек получил осколочное ранение – у него была

повреждена плечевая артерия, была большая потеря крови, но нашим медикам удалось его спасти, оказав своевременную помощь.

После обстрела приехали военные и ФСБ-шники, заявив: “Видите, что делает ВСУ?”, после чего продолжили свою речь, используя ругательства, оскорбления и ненормативную лексику в адрес украинцев, вопия якобы о “гнилой украинской молодежи”, “нацистах, фашистах и наркоманах”, а они – россияне, приехали навести здесь “порядок и хорошую жизнь”.

После нанесенных разрушений вследствие российских обстрелов, условия для нормального ухода за больными исчезли окончательно и, учитывая витающую в воздухе угрозу для жизни, нужно было эвакуировать больных и медперсонал.

Главврач попросил предоставить “зелёный коридор” со стороны российских войск, чтобы вывезти больных и медиков. Получив положительный ответ, со стороны неоккупированной Украинской территории выехали автобусы с надписью крупными буквами “ЭВАКУАЦИЯ БОЛЬНЫХ”. Как оказалось, верить оккупантам было опасно для жизни – как только первый автобус въехал в Балаклею со стороны Андреевки примерно в 16.00, на подъезде к российскому блокпосту его обстреляли, вследствие чего он сгорел, а 54-летний водитель Анатолий Наздрачев, житель посёлка Андреевки, который должен был эвакуировать больных и медперсонал Балаклейской больницы, погиб на месте откровенного преступления российской армии. Остальные автобусы смогли успеть развернуться...

Таков “русский мир” и цена договоренности с оккупантами.

<https://2day.kh.ua/ru/kharkow/vrag-rasstrelyal-evakuacionnyy-avtobus-v-balaklee-pogib-voditel>

В итоге, ФСБ запретило оставлять больным и медперсоналу здание больницы. В один из тех дней, медбрат работавший в реанимации, вышел из больницы и пошел домой. Проходя блокпост, он пропал без вести... А дома его ждала жена и недавно рожденный ребенок. Через две недели его нашли мертвым в оккупированном на тот момент Россией селе Гусаровка – тело было изувечено до неузнаваемости, детали просто ужасны, и я специально предпочел бы упустить их.

Вечером 3-го апреля, в больницу поступил пациент с разрывом селезенки – его избили военные на блокпосту. Местные врачи прооперировали пациента и персонал пошел на отдых, так как было уже очень поздно. В 3 часа ночи в больницу ворвались военные РФ, в неадекватном состоянии: кто пьян, кто под воздействием наркотиков, и потребовали главврача с заведующим. После того, как их увели, по больнице начали раздаваться автоматные очереди. Первые мысли оставшихся медработников – их всех решили расстрелять, потому что они не желали с ними сотрудничать. Оказалось, что военные волокли всех мужчин, кого находили, вниз, где избивали и издевались. Женщин и больных, чудом, физически не трогали, лишь угнетали морально, выдернув чеку гранаты угрожали размахивая ей, после чего долго не могли вставить чеку обратно. Другие солдаты бегали по зданию больницы, расстреливая кабинеты и окна, ища “нацистов”. Принялись также проверять журналы с записями в поисках лечения воинов ВСУ. После дебоширства и издевательств военные России покинули здание.

Врачи и пациенты понимали, что оставаться в больнице было крайне опасно, и, еле дождавшись рассвета, покинули здание больницы.

После этого случая, передвижение в сторону контролируемой Украиной территории запрещалось в строгом порядке.

Но, слава Богу, тогда мы ещё успели завезти гуманитарку, и работа нашей команды шла полным ходом внутри плененного города при ограничениях комендантского часа, который давал нам очень мало времени для передвижения – с 8 утра и до 18 вечера, после чего выходить на улицу было запрещено.

Живущие под прицелом

Но несмотря ни на что, мы продолжали проводить Богослужение. В полуразбитом храме собиралось более 70 человек. С радостью и трепетом мы провели Пасхальное служение и каждое воскресенье вновь стремились в храм.

Иногда Богослужения проходили по домам: в микрорайоне “110-го”, Новоселовки, Лагерея, в церковном офисе. Параллельно с этим продолжались служения на наших миссионерских точках: в Вербовке (ответственная – Пономаренко Наталья), в Пришибе (ответственный – пастор Мирошниченко Юрий), в Пятигорском (ответственный – Возняк Олег), в Савинцах (ответственный – Шпаченко Борис), в Андреевке (ответственная – Рукас Любовь).

Слава Богу и огромная благодарность всем труженикам, молитвенникам, которые принимали активное участие в служении

Богу и людям в часы оккупации Балаклеи! Да воздаст вам Господь сторицей!

В городе по полмесяца не было света и воды, а когда включали, то счастье длилось недолго – через 3-4 дня, а то и раньше, опять обрывы...

Вокруг нас, среди местных жителей, было много героев, и все они – простые трудяги, рисковавшие своей жизнью ради жителей города: пожарные, медики, волонтеры, электрики, газовики, технический персонал провайдеров связи и интернета, водители доставки продуктов питания и многие другие. Думаю, что всех их можно смело причислить к героям.

Ценой жизни

Один из них – пожарный-спасатель, сержант службы гражданской защиты Вербицкий Игорь. 24-го июня, примерно в 18.40, во время исполнения служебных обязанностей, а именно ликвидации огня возникшего вследствие артиллерийского обстрела, героически погиб, получив осколочное ранение несовместимое с жизнью... А ему было только 39.

<https://korrespondent.net/ukraine/4489324-vo-vremia-obstrelya-balakley-pohyb-spasatel-kotoryi-tushyl-pozhar>

Жизнь в оккупации нельзя назвать на самом деле жизнью. Люди сотнями толпились в очереди за “подачками”. Другим словом не назовешь гуманитарную помощь россия, у которой в одной руке был автомат, а в другой – кусок хлеба; они притворялись, что страдают женщинами и детьми, при этом убивали их мужей и отцов, оставляя их вдовами и сиротами...

“2000 снарядов по селу”. Интервью с пленным российским солдатом:

<https://www.youtube.com/watch?v=Q78S68gEFLk>

“Продуктовый бум”

В первый пункт выдачи гумпомощи, где числилось 350-400 человек, привезли продуктов только с расчетом на человек 200: выдавали по 2 кг муки и 120 грамм конфет на каждого. Это то, что я видел своими глазами... Люди получали так называемую помощь в лучшем случае 1 раз в 2-3 недели. Позднее якобы пытались улучшить выдачу питания, но это лишь были “капли в море”. С украинской стороны россияне гуманитарную помощь не пропускали.

В это время спасением были фермы в соседних оккупированных селах, где держали коров. Работники ферм, каждый день рискуя жизнью под обстрелами, завозили в город бесплатное молоко, а спустя время брали символическую плату в 5 грн за литр для возмещения топливных расходов.

Магазины и аптеки были пусты. Разграблены. Работал рынок, вернее дорога возле рынка, куда выносили кто что имел для продажи. Там ещё можно было найти что-то из необходимого при наличии денег.

Люди были без работы уже 4 месяца, пенсии получить не было возможности, снять наличные с карточки можно было иногда через некоторых людей, подпольно, если сильно постараться, но эти люди, с которыми ты жил в одном городе всю жизнь, брали себе 15-20%.

В этот период были закрыты две большие птицефабрики. Так как нечем было кормить птицу, хозяева раздавали населению курей бесплатно. Цыплята были небольшими, но все же годились для пищи. Люди брали кто сколько мог унести – курей были тысячи. Закрывали тушенку в банки, варили, жарили мясо и так выживали, пополняя свой рацион.

Сезон охоты открыт

Внутри оккупированного города началась фильтрация. Тщательные проверки, задержания, допросы стали, не поворачивается язык сказать, обыденным делом. Но как можно к этому привыкнуть? Ужесточили комендантский час с 7.00 утра до 14.00 дня, после чего передвижения были запрещены.

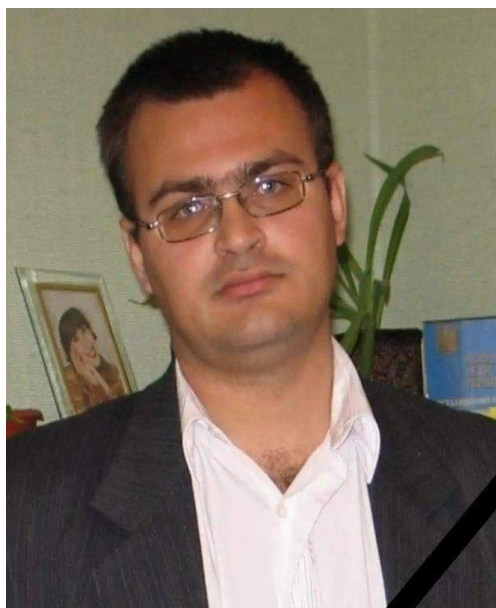
БалаклеЙцы начали массово исчезать – их забирали и целенаправленно, и хаотически; пророссийски настроенные жители “сдавали” людей с проукраинской позицией, тех, кто занимал государственные должности, кто был патриотом, кто каким-либо образом имел отношение к военным или правоохранительным структурам.

Преимущественно схема была простая: мешок на голову, руки затягивали пластиковой стяжкой, грузили в машину и увозили на допрос, откуда некоторые больше не возвращались...

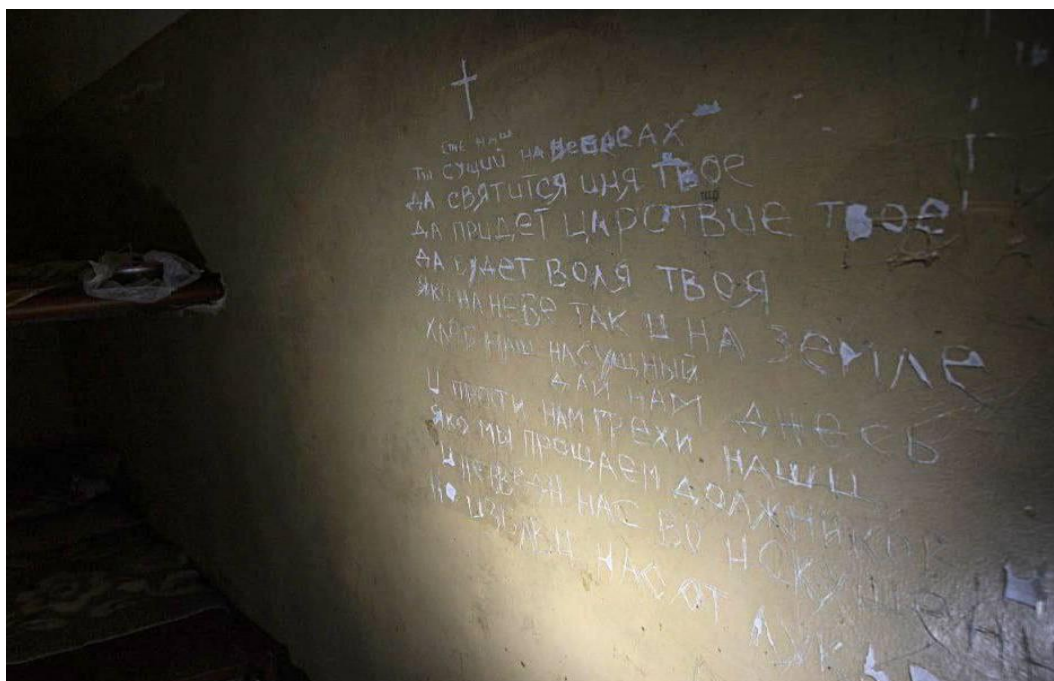
Царящее вокруг беззаконие было настолько сильным и разящим, что даже некоторые из ранее расположенных позитивно к России и причисляющих себя к “пророссийским” начинали раскаиваться в своих сердцах и менять свои политические взгляды... Особенно, когда в застенках оказывались их родные.

Так был замучен и убит один из многих находившийся в плену у “освободителей” Балаклеи – Шелехань Максим. У него остался сын и жена...

[Facebook](#)

Эта молитва “Отче наш” была нацарапана на стене комнаты, где держали и казнили пленных в Балаклее:

<https://uatv.ua/na-stene-otche-nash-i-sledy-ot-pul-shokiruyushhie-podrobnosti-o-pytochnoj-v-balaklee-rasskazali-v-politsii-video/>

Бои за город. Противостояние

Повседневность человека становилась сложной и опасной. В самом городе постоянно было напряжение и царил страх. Так как оккупанты каждый день обстреливали с территории города украинские позиции мирного населения и военных, они подвергали местных жителей опасности ответной “возвратки”. Часто становились недалеко от жилых домов и вели огонь днями и ночами напролёт российские грады, минометы, ствольная артиллерия. Горели леса, поля, села... гибли люди.

Так погиб от вражеского снаряда наш друг и Божий служитель Андрей Кляузер.

Очень часто прилетали русские самолеты, которые бомбили всё подряд в округе, следом за ними прилетали низко над домами вертолеты, метали ракеты и скрывались. Вокруг было “жарко” и сложно, но наши воины не уступили ни одного метра, мужественно и жертвенно сражаясь за свои семьи, за свои родные дома с российскими мародерами оккупантами. Наши солдаты давали достойный отпор и вскоре отвоевали село Гусаровку, таким образом отрезав путь россиянам в сторону города Барвенково и обходной путь к городу Изюму.

Каждый день шли жестокие бои в округе города, самолеты бомбили не давая покоя ни днём, ни ночью. И вот настал тот день, когда наши украинские защитники подбили вражеский самолет – это было зрелищное событие, происходящее на наших глазах прямо над городом. Сбитый самолет кружился, как бумеранг, издавая дикий гул и медленно пребывая в ожидании встречи с украинской землей. Двое человек успели катапультироваться, а самолет, слава Богу, рухнул за городом, не причинив вреда местным жителям.

<https://fakty.com.ua/ru/ukraine/20220418-zsu-zbyly-rosijskyj-litak-pid-balakliyeyu-na-harkivshhyni-golova-ova/>

С той поры ни один самолет долгое время не пролетал над городом, понимая, чем это может для него закончиться. И лишь вертолеты подло жалили своими ракетами, прячась за городом.

“Живой щит”

Жители Балаклеи стали “живым щитом” для российской армии. На мой взгляд, это бесчеловечно, прятаться за спинами мирного населения, подвергая

опасности людей, которые гибли от случайных попаданий и осколков прямо в своих дворах или на улице. Умирали люди, горели дома...

Вокруг военного завода, на котором базировались россияне, находились жилые массивы, но проезжать возле этого объекта было крайне опасно: машины расстреливались, огонь вёлся и просто по прохожим – видимо таким образом они пытались оградить объект от “лишних глаз”, ведь внутри завода располагалась боевая техника и оттуда часто стреляли по украинским позициям.

В одну из сред, я ехал на велосипеде с целью провести церковную службу в нашем храме по ул. Алиева. Рядом шли люди. В какой-то момент по нам начал “работать” снайпер – одиночные выстрелы доносились из соседних многоэтажек. Мы успели укрыться за рядом стоящими зданиями. Он то ли специально стрелял мимо, то ли просто не попадал – в тот момент никто из прохожих не пострадал.

Верующие люди, несмотря на обстоятельства, продолжали собираться, продолжали служить и помогать людям города, кто чем мог, делясь даже последним. Продолжали поддерживать, ободрять, молиться, дарили Евангелия.

А в городе не прекращались “облавы на нацистов” (ясное дело, что таких не находили). На блокпостах раздевали до трусов, выискивая татуировки. Те, у

кого находили какую-либо информацию относящуюся к Украине, патриотизму или военным действиям, отправлялись на допросы. Для некоторых, к сожалению, это был “билет в одну сторону”.

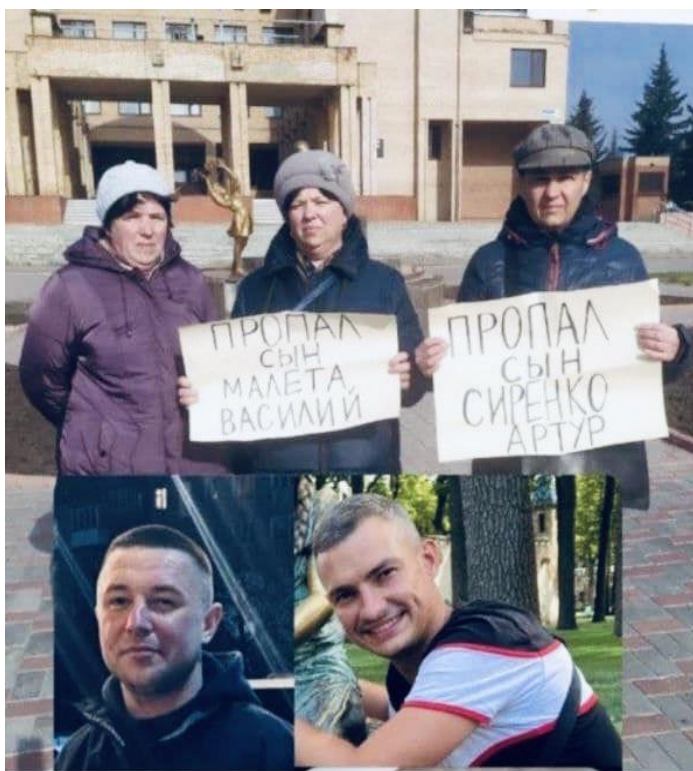
“Богатство” Z культуры

“Бойцы русского мира” ходили по городу с пачками украинских денег, покупая себе то, что хотелось, опустошив накануне банки и банкоматы. По городу ездила “отжатая” инкассаторская машина со знаком Z. Людей разъезжающих в таком транспорте с этой аббревиатурой называли ласково – “Зеки”.

<https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2022/03/02/911776-regioni-bukvu-z>

По городу отбирали автомобили у различных коммунальных и государственных учреждений: горгаза, энергосбыта, водоканала, полиции – всех их перекрашивали зеленой или серой краской и обозначали меткой “Z”. Из центральной больницы вывезли медицинское оборудование и устроили себе военный госпиталь в местной музыкальной школе, куда пригнали “отжатую” машину передвижного рентген кабинета.

Умерших, погибших, убитых мирных жителей нельзя было похоронить на кладбище. Можно было только попрощаться дома с умершим, и после похоронная служба сама везла тело на захоронение. Но не всем была доступна такая возможность, и некоторых хоронили просто в огородах.

Двое парней работавших в ритуальном бюро в Балаклее, пропали без вести 2 апреля. Василий Малета, 1991 года рождения, и Сиренко Артур, 1989 года рождения. До сих пор об их

местонахождении ничего не известно.

<https://kharkov.comments.ua/news/society/accidents/10960-vo-vremya-voyny-v-harkovskoy-oblasti-propali-neskolko-chelovek-foto-i-orientirovki.html>

Все мосты в городе были заминированы. Заминированы были и подходы к речкам и лесам.

Зафиксированы случаи, когда на одну из противотанковых мин, лежащих вдоль дороги в селе Вербовка, наехал российский же танк и подорвался, а другой танк по непонятным причинам загорелся и сгорел в районе военного городка.

Районы города были разделены и засекречены. Мы практически не могли доставить продукты и медикаменты в район Вербовки, Савинец, Байрака, и даже не могли передать продукты медикам и больным.

Район Байрака был закрыт до самого освобождения города. От начала полномасштабной войны люди стали заложниками, некоторые пропали без вести, некоторые погибли. Судьба остальных неизвестна.

По поводу Байрака сложился народный юмор, что в Байрак никого не впускают и не выпускают по причине нахождения там Украинской базы по изготовлению Байрактаров.

Все десять бензозаправок в черте города были также разграблены и опустошены, для простых жителей топливо стало дефицитом. Но при всем этом люди пытались выжить, чинили крыши, окна, убирали последствия взрывов вокруг домов, сажали огороды. Жителей поселка Нефтяников заставляли носить георгиевские ленточки, как говорили оккупанты: “Для вашей же безопасности”.

В округе, после обстрелов, масштабно горели леса. Верующие молились и видели неоднократные чудеса, когда по их молитвам начинался проливной дождь, шедший по несколько дней, и леса, которые не могли потушить пожарные, тушили небеса! Благодарение Богу!

А в это время русская “освободительная” армия шла дальше по городу: во дворы частных секторов и к квартирам жилых районов, подъезжали грузовики и разворовывали имущество тех, кто выехал из города, выбивая двери, окна, совершая грабежи,

освобождая простой народ от нажитого годами добра.

<https://tsn.ua/ru/ato/rossiyskie-voyska-zanimayutsya-maroderstvom-v-ukraine-opublikovano-ocherednoe-vidiodkazatelstvo-2008309.html>

Видя всё это и находясь в котле событий, людям с обостренным инстинктом самосохранения, приходилось чем-то себя занимать, чтобы не сойти с ума от происходящего вокруг, при этом лишней раз не выходя без нужды на улицу, ведь каждый такой выход мог плохо закончиться...

“Святой” русский беспредел

Так однажды шёл в Лагерьх пономарь – служитель православной церкви, – когда его встретили военные и предъявили претензию в том, что он был обут в высокие ботинки, типа военных берц, на что мужчина пытался объяснить, что это не военные ботинки и у него кроме этой обуви не было другой. Во время обыска этого служителя, у него нашли в кармане записку с фамилиями, которые обычно подают в храм для молитвы за здоровье и упокой, и приняв его за наводчика, прострелили ногу и избili до полусмерти. Видя, что он на грани смерти, его передали медикам. Те, в свою очередь, не могли оказать должное лечение из-за отсутствия надлежащего оборудования и условий, и решили отправить его в другой оккупированный украинский город – Купянск, где ему получилось оказать помощь. Подобные этой жестокие ситуации становились частью нашей повседневной жизни.

Сплоченные небом

Многие выехавшие из города друзья, родственники, оставляли нам ключи от своих домов и квартир с просьбой присмотреть (и, в случае необходимости, с возможностью воспользоваться чем-либо для выживания в подобных условиях).

Для нас это было важной находкой во время кризиса с медикаментами. Мы, с разрешения хозяев, собирали из домашних аптечек лекарства и создали неплохой склад, после чего прилагали медикаменты к про-

дуктовым пакетам и разносили для раздачи нуждающимся.

Люди благодарили Бога и “Его помощников” за такую поддержку в это тяжелое время.

Некоторые друзья предоставляли в наше распоряжение собственные автомобили и велосипеды, которые для нас были очень большой помощью в служении, облегчая передвижение по местности. Да благословит их Господь за щедрость и жертвенность!

Присматривая за квартирами и домами, после продолжительного отсутствия электроэнергии, мы занимались уборкой холодильников и морозильных камер, так как все продукты питания пришли в негодность. По возможности убирали выбитые стекла, забивали пленкой окна, поливали выжившие цветы.

Среди верующих людей была видна общность, любовь и сострадание – в таких условиях формировались новые служители, которые посещали нуждающихся, восполняя по возможности их острые потребности, проводили подпольные Богослужения, домашние встречи по изучению Библии, молились и совершали причастие.

Наш пастор – Салфетников Александр – был тем, кто не оставил церковь в трудное время и принял решение быть до конца с Телом Христовым; с теми людьми, в которых он вкладывал всю свою жизнь, свою душу и своё сердце. Не имея покоя, он переживал о всех миссионерских точках, участвовал в доставке и раздаче гуманитарной помощи, посещал больных, проводил службы в здании церкви и по домам. Несмотря на то, что сам находился под тяжестью обстоятельств, он с дерзновением продолжал совершать своё служение со своей верной помощницей – женой Екатериной, которая, в свою очередь, также каждый день была задействована в работе с гуманитарной помощью со своей командой.

По вечерам к пастору в гости приходили некоторые соседи, друзья, пили чай, общались и молились.

Каждый день для нас был новым вызовом, неизвестностью и борьбой за существование. Но это были еще не все трудности с которыми нам пришлось столкнуться.

Долиной смертной тени

Настал тот роковой день, когда к дому пастора приехала машина со знаком “Z” – 17-го мая 2022 года в 12.20. Заверив домашних словами: “Всё будет хорошо, не переживайте!”, его увезли в неизвестном направлении. Действовали, как по цитате Достоевского – “Без вины виноват, по природе”...

В дороге они еще раз ласково и располагающе заверили, что это “всего лишь с целью поговорить” и “мы вас обратно привезем”.

По приезду к зданию полиции, пастора и этих Z-ков встретил мужчина одетый в военную форму и с маской на лице, который сходу возгласил: “Это вы наш пастор?” и полминуты-минуту “сверлил” своими “отточенными” глазами нового пленного словно пытаясь загипнотизировать. После этого на голову пастора надели мешок и повели внутрь здания.

По их следам жена Екатерина отправилась на поиски своего мужа, которого уже доставили в отделение военной прокуратуры. Это то место, куда попадали бесследно исчезающие, начинающие числиться в списках “Без вести пропавший”. Там работали “славные” ученики НКВДистов, а потом КГБистов – ФСБшники. Их цели упорно не менялись десятилетиями – поиск тех, кто был против политики россии; тех, кто имел какое-то отношение к движению сопротивления; тех, кто был сторонником существования Украины как

свободного государства; тех, кто имел отношение к протестантским церквям; тех, кто мог оказаться разведчиком, координатором, корректировщиком, учителем украинского языка и литературы и, безусловно, – нацистом...

Екатерину туда не пустили. Но она была не одна: около сотни женщин, матерей и жен искавших своих пропавших сыновей и мужей пытались добиться какого-либо о них известия, но ответа не было. Никто не давал никакой разъяснительной информации. Лишь иногда разрешали передавать родным вещи и еду. Они приходили с утра и находились там до конца комендантского часа в надежде узнать хоть что-то о своих родных...

Женщины, стоявшие там, многого насмотрелись: как к воротам подъезжали машины, и люди с мешками на голове, с завязанными за спиной руками, исчезали за высокими воротами с колючей проволокой.

В такое нелегкое время, даже заядлые атеисты не брезговали молитвой. Люди взывали к Богу о защите и спасении своих родных и продолжали ждать и надеяться, приходя к воротам изо дня в день...

Заключенных держали в разных местах: в подвалах школ города, в типографии, в здании полиции и администрации, где и были устроены камеры пыток. Пастора завели в клетку предусмотренную для двоих людей, в которой держали восемь человек. В камере стояла невероятная духота, вокруг сплошная грязь. Туалет был также в этой “комнатушке”. Воды часто не было. В таких условиях жили, ели, спали, кто как мог...

Александр Сергеевич имел заболевания связанные с сердцем и когда ему выпадала возможность (благодаря какому-то пленному, который уступал ему место), прилечь на одну из двух нар, он начинал задыхаться.

В первый же день после попадания в плен, его повели на допрос. Допрос начался в первую секунду после перевода Александра Сергеевича в специальную комнату с логичного вопроса - только этот “логичный вопрос” является таковым только для бесчеловечных особей - с удара по ноге. Сняв мешок с головы пастора, военный, отвечающий за допрос, озвучил три сценария: “Либо говоришь правду и сегодня едешь домой, либо говоришь неправду и мы тебя бьём, либо пускаем под расход”.

В течении “беседы” стало ясным, итак предполагаемое заранее - после озвучивания правды применялось физическое насилие российскими военными к пастору Александру.

Во время допроса ставились вопросы связанные с биографией, местонахождением детей, церковью и служениями, хотя при этом сами сознались, что уже как два месяца “пасли” его и “всё” о нём знают.

Один из персонажей ведущих этот “допрос” открыто и яростно говорил о своей ненависти к евангельским христианам и о признании истинной лишь

русской православной церкви. Были озвучены укоры в распрях и противостоянии между ЕХБ и РПЦ, которые существовали на самом деле лишь в его пропитанной пропагандой фантазии.

Немного прошло времени и оказалось, что те люди, которые властвовали в этом учреждении, были вовсе не люди. И зверями их назвать будет также оскорбительно. Оскорбительно по отношению к представителям животного мира.

Обвинения, выдвинутые пастору, были традиционно маразматическими и не связанными с объективной реальностью: своей церковью он, якобы, сбивает молодежь и детей с “истинного пути”, который был одним единственным и назывался “Российская Православная Церковь”; а также обвиняли в соотрудничестве с Америкой. При этом просматривалась какая-то личная ненависть исполнителей этого преступления к верующим. В общем, ничего

нового под небом – всё в традиционном стиле “КГБ постсоветского пространства”. Но разговоры, допросы, и обвинения были недолгими. В комнате были те, кто должен был вести допрос, те, кто должен был избивать, и кто, собственно, убивал. Все роли расписаны и озвучены заранее.

И даже в таких обстоятельствах пастору удалось рассказать своим будущим палачам Евангелие - во время ответов на вопросы касательно биографических данных, он говорил о том, как пришёл к Богу, о грехе, о спасении, которое дает лишь Христос. На что ответом последовало короткое: “Об

этом поговорим в другом месте” и принялись за избивание...

После акта физического насилия, Салфетникова привели назад в камеру. Как оказалось позднее, камеру с ним делили самые разные люди - человек работающий в пожарной части, человек просто ехавший на работу и задержанный российскими оккупантами, люди жившие недалеко от церкви.

Спать после этого дня было невозможно...

На следующий день, после того, как в камеру принесли то, что они называли едой, но в обычной нормальной жизни никто такое в пищу не принимает, пришёл военный и предупредил пастора, что сейчас его поведут на “допрос”.

Мешок на голову, другая камера, ФСБшники, вопросы, избиения полицейской дубинкой... словом, всё тоже самое, что и в первый день. Только если в первый день избивал только палач, то на второй день, после избиения ФСБшник, который вёл “допрос”, сказал, что этого мало и принялся сам бить пастора. Параллельно с этим приставляли пистолет к голове, угрожая, что живым отсюда ему не будет выхода. Во время избиения российскими военными на второй день, пастор был в силах лишь ползать по полу. Он просил их остановиться, стенал с просьбой о воде, ведь в его горле была сильнейшая сухость, но нет... И в конце, они заявили, что на следующий день будут склонять его к сотрудничеству, ведь он не хочет самостоятельно идти на это.

После этого Салфетникова завели обратно в камеру, в этот момент сокамерники принялись спрашивать о том, как всё прошло, но пастор на из последних сил ответил, что ему очень плохо... Спустя немного времени, состояние было настолько ужасным, что прозвучало лишь тихое: “Умираю...”. Мужчины, находившиеся в одной камере, начали стучать, с целью привлечь внимание военных России, после чего они, придя в камеру и увидя почти бессознательное состояние Александра Сергеевича, вызвали скорую помощь и вывели к машине, ведь он не мог даже ногами своими ступить.

Пастора избивали, пытали и мучали в течение двух дней люди в военной форме, лица которых были закрыты масками. Били дубинками и ногами. Сильно травмировали ногу, сломали руку. Всё тело, кроме шеи и головы, было сплошной почерневшей гематомой. (Ниже фото спустя 15 дней лечения)

Видео репортаж “За что пытали пастора” <https://youtu.be/pkvQaBP6ys4>

То, что его организм был ослаблен и не выдержал, остановило этих нелюдей – избивать его больше уже не имело смысла, так как “клиент был почти готов”.

В сознание А.С. Салфетников пришел уже в стенах Балаклейского поликлинического отделения. Всё тело его было – от пяток и до шеи – синим от ударов зверей ведущих допрос, руки и ноги были опухшими. Одна рука была в гипсе, так как её сломали во время “допроса”.

Жена пастора всё это время молилась о своем муже. Ей чудом удалось вернуть его документы и вещи. И не малым чудом также оказалась возможность посещать мужа и возить пищу. В один из таких визитов в поликлинику она стала свидетелем того, как привезли в это медицинское учреждение одного парня, которого уже почти месяц искали родственники и не знали о его местонахождении. Этот молодой человек был настолько сильно избит россиянами, что врачи его “откачивали” всю ночь, при этом несмотря на его беспомощное состояние, он был прикован наручниками, и всё это происходило под дулом автомата.

Прошло две недели. Две недели постоянных обезболивающих, чтобы можно было хоть как-то уснуть. Две недели страхов и переживаний “а не заберут ли снова?” И, слава Богу, местные оставшиеся врачи в поликлинике разрешили пастору вернуться домой.

Он выжил, но был очень слаб, подавлен духовно и морально истерзан. Он ещё долго будет вспоминать те ужасы, которые ему пришлось пережить.

Дома за ним ухаживала его жена Екатерина и её сестра Люба. Параллельно с заботой о муже было осознание, что в городе есть огромная нужда в продуктах. Оставались немного запасов, которые не успели раздать до плена пастора. Екатерине Салфетниковой и Людмиле Погореловой удалось небольшими партиями (буквально в размере одной коробки) провозить сквозь российские блокпосты и раздавать людям гуманитарную помощь. И на скутерах, и на велосипедах Екатерина и Людмила проезжали и, чудом Божиим, оставались нетронутыми российскими оккупантами. И люди получали так необходимую им помощь.

Также поддерживали пастора друзья и родные. Теперь каждая машина, проезжавшая мимо дома, вызывала страх и тревогу в израненной душе, наводя на мысль, что за ним приехали снова. И только Бог давал силы жить, не теряя надежды... Реабилитация была сложной и трудной не только для пастора, но и для его семьи, которая страдала душой и сердцем видя происходящее.

Нужно было жить, подниматься и идти дальше по жизни, но каждый шаг давался нелегко. Мы жили, как овцы среди волков...

История с нашим пастором была не первой и, к сожалению, не последней. Так, к служителю из соседней церкви – Ивану Маковецкому, также приехали домой русские военные. Оттолкнув жену в квартиру вошли четверо, которые избили его и уехали.

Продолжались облавы и поиски пасторов со служителями и других церковей города, но, к счастью, их на то время уже не было в Балаклее.

Передвигаться по городу стало еще опаснее – мы были крайне осторожны. Мне даже пришлось отпустить бороду и усы, надев кепку с очками, благодаря чему я мог быть менее знакомым для тех, кто интересовался моей личностью. Мы адаптировались к новым условиям выживания, продолжали свое подпольное служение церкви и обществу.

Для моей жизни это был особый период: я выделял много времени для чтения Библии и светских книг, вёл дневник ежедневного чтения и молитвы, куда записывал основные мысли и размышления. В этих условиях жизни Библия была ярче, по особому читалась и воспринималась, по особому вдохновляла и касалась сердца и души. **Молитвы звучали непохоже на ранее звучащие – тут ты понимаешь свою нужду в Боге, ощущаешь Его близость и заботу, сверхъестественное окружало повсюду, приходило утешение и поддержка.** В молитвенный дневник были вписаны все родственники, друзья, прихожане церкви и те, кто просто приходил на память. Такого длинного молитвенного времени у меня никогда не было, как в это военное время оккупации.

Свидетельства людей находящихся в пыточных камерах Балаклеи:

1. <https://www.youtube.com/watch?v=8-Pw1eET5i4>
2. <https://www.youtube.com/watch?v=1sK9ZBzcNIQ>

Духовная брань

“Оккупация” – это слово мне хотелось изменить на слово “плен”, так как оно более четко описывало происходящие реалии жизни. Сколько страждущих людей находилось вокруг... Порой мы чувствовали бессилие перед лицом обстоятельств, но продолжали молиться, продолжали служить, верить и надеяться.

Для себя я выработал правило: молиться, когда идет обстрел наших украинских позиций. Я старался молиться при каждой выпущенной ракете, при каждом снаряде, молился днем и ночью, даже сквозь сон, который сумрачно смешивался со взрывами проносющимися над головой. Молитва была короткой: “Господи, пусть мимо!”

Однажды ночью, сквозь сон, я услышал залпы “града” и как обычно вторил: “Господи пусть мимо! Пожалуйста, пусть в землю, в речку, лес, но не в людей...”, но через мгновение осознал, что это не залпы реактивных систем залпового огня, а дождь крупными каплями стучит по отливу окна. И слава Богу, что на этот раз это был просто дождь! Я верю и знаю, что молитвы верующих многое делали на невидимом фронте войны. **Молясь Богу, мы просили мира, просили помощи и защиты, просили сил и покровы для Вооруженных сил**

Украины, чтобы во всём прославилось имя Бога. И не только просили – учились и за всё благодарить, несмотря на обстоятельства.

У нас не было опыта жизни в военное время, мы не знали, как правильно поступать в различных обстоятельствах, многое на ходу познавали, адаптировались, прося у Бога мудрости и водительства, находясь в оккупации.

Озвученная спецоперация была ничем иным, как подлой войной, уничтожением Украинской нации, уничтожением личности человека. Так жили люди многих городов нашей страны, так жил наш город Балаклея, хотя словом “жили” трудно назвать этот процесс – люди пытались выжить. И одним это

удавалось, а другим, к сожалению, нет...

Так, мой друг детства Роман, во время попытки выехать на автомобиле со своим товарищем из оккупированной Балаклеи, был жестоко расстрелян прямо в черте города. Обое погубили на месте.

[Instagram](#)

<https://youtu.be/CX7HYD8JNcQ>

Подобные, ужасные преступления, совершенные российской властью руками военных, ощутили на себе все оккупированные города Украины. К сожалению, это зло еще не остановилось. Это зло передвигается по городам и селам нашей страны, но мы продолжаем верить в победу и будем твердо стоять до конца!

Свидетельства людей проживших полгода в оккупации:

<https://www.youtube.com/watch?v=FrgAPBNgJiQ>

Новые повороты жизни

День за днем я все больше и больше понимал, что круг моей свободы сужается очень быстро. До меня начали доходить сведения, что “некто из посторонних” интересуется моим местонахождением. Мне приходилось меньше открыто передвигаться – в моем доме был обыск. Было очевидно, что я находился в “черном списке” разыскиваемых. Приходилось осторожничать, чаще менять место жительства. Было понимание, что если меня возьмут, то шансов остаться в живых было мало... Наряду с этим, во мне теплилось знание, что множество людей, включая мою семью и родственников, молились обо мне и о тех, с кем я находился рядом – это придавало мне сил. Их молитвы были ощутимы. **Очень часто были явлены чудеса и Божий покров во многих сложных ситуациях, окружавших мою жизнь и жизнь моих близких в оккупационном плену.**

В последнее время я читал книгу “Молитва Иависа” Брюса Уилкинсона. Одним из ключевых текстов книги была молитва человека по имени Иавис, жившего в древности. Она обращена к Богу: “О, если бы Ты благословил меня Твоим благословением, распространил пределы мои, и рука Твоя была со мною, охраняя меня от зла, чтобы я не горевал”.

Этой молитвой я молился каждый день в течении месяца июня 2022 года, и тогда я ещё не понимал, и не мог даже представить, как Бог поведет меня дальше по жизни, ответив на эту мою молитву.

Каждый день мы не теряли надежды вырваться на свободную территорию Украины из-под оккупации, ожидая освобождения города – там была свобода, друзья, родные. Здесь же, находясь в городе, я понимал, что “Дамоклов меч” висел надо мною и угроза жизни возрастала с каждым днем. Я ощущал это всем своим внутренним миром. В сторону подконтрольной Украине территории шансов попасть было крайне мало – присутствовал вариант идти лесами или рекой, но везде были мины. Единственный путь проходил через “логово” россии. Но на то время даже туда нужно было получить разрешение на выезд в местной военной комендатуре.

Мы искали возможность вывезти пастора Александра в глубь Украины, так как ему нужна была медицинская помощь и реабилитация. И предпринимали эти попытки, но ничего не получалось. В один из дней я приехал к пастору, и он решил отправить меня одного, так как появился временный

коридор с одним свободным местом. По сценарию, я должен был пройти этот путь и, если всё нормально, дать знать другим, чтобы использовать возможность выехать из города. Времени на раздумья не было – три часа на сборы и вся моя жизнь за 43 года уместилась в спортивную сумку: немного вещей, обувь и самое дорогое – фотографии семьи и Библия. Всё остальное имущество, – бизнес, дом, – осталось там, позади в неизвестности.

Дальше ночлег в “безопасном месте”, недалеко от перевозчика, который должен был вывезти нас к границе с РФ. Помолвившись, мы отправились в путь. Помимо водителя и меня было ещё 2 женщины средних лет и бабуля 80 лет, еле передвигающаяся с помощью ходунков.

Мы выехали 24-го июня в 8.00 утра – это был ровно четвёртый месяц, как мы находились в состоянии полномасштабной войны, повлекшей за собой плен оккупации. Шёл очень сильный дождь, который служил нам неким прикрытием. Маршрут был таким: Балаклея – Волохов Яр – Купянск – граница с Россией.

В логове оккупанта

Путь наш проходил через 14 российских блокпостов, находившихся на территории независимой Украины. Опытного перевозчика русские солдаты уже знали в лицо и почти без проблем пропускали, да и проливной дождь торопил проверку. По пути к границе мы встречали огромное количество военной техники захватчика, двигающейся к Харьковскому, Изюмскому и Славянскому направлению – это были танки, САУ, боекомплекты к РСЗО и какие-то большие зеленые ракеты с белыми наконечниками, а также другая техника. В обратном направлении “радостно” двигался транспорт с подбитой техникой. Видя всё это,

сжималось сердце от безысходности, понимая, что все эти ракеты полетят на наши мирные города и сёла Украины.

<https://izvestia.kharkov.ua/obshchestvo/v-harkovskuju-oblast-zaehala-kolonna-rossijskoj-voennoj-tehniki/>

Подъезжая ближе к границе мы встретили 240 зерновозов, везущих пшеницу через границу в Россию – так вывозили украденное зерно нашей страны. И это лишь малая часть того, что удалось сосчитать и лично увидеть за это короткое время...

<https://tripoli.land/news/gruzovikami-okkupanty-vyvozyat-ukrainskoe-zerno-iz-harkovskoy-oblasti>

Границу мы прошли с Божьей помощью, в буквальном смысле, – там стояли сотни людей, среди которых были старики, женщины с маленькими детьми, ожидавшие своей очереди. Все должны были пройти через «фильтрацию» – допрос, помимо бумажной волокиты с паспортным контролем. Нашим «пропуском» послужила та самая 80-летняя бабушка, которую я вез в инвалидном кресле – без очереди, и более того, без посещения места для допросов, нас пропустили и мы, в итоге, прошли границу относительно быстро и без особых хлопот.

Бог и дальше вел нас и содействовал: при выходе из контрольно-пропускного пункта рф нас ждали родственники бабушки, которые были весьма благодарны нам за то, что мы вывезли их маму, после чего они довезли нас всех до Белгорода, где мы и заночевали. В Белгороде мы отчетливо слышали залпы орудий которые гремели по направлению Харькова, видели вереницы вертолетов, летящих над нашими головами в сторону Украины. При этом меня шокировало спокойствие местных жителей, видевших эту картину и не понимающих, что происходит по ту сторону границы. Люди, живущие там, в большинстве своём зомбированы местной дезинформацией, звучащей по телевидению и другим средствам массовой информации. Они жили своей размеренной жизнью и говорили, что уже купили билеты на отдых в Крыму. “Да... – подумал я, – спецоперация по зомбированию россии прошла успешно”.

На следующий день мы поехали из Белгорода автобусом в Москву. На вокзале было много военных, молодых и взрослых, по-видимому, ехавших на

“учения” в Украину и поиски “нацистов”. У одного из военных меня привлекла надпись на нашивке камуфляжного рюкзака, где была изображена ракета и под ней надпись “Бог простит”. Чей-то воспаленный грехом разум был способен изобразить такое...

Из Москвы мы направились к границе с Латвией, где меня уже ждала свобода, а позади оставались скорбь и грусть по тем, кто остался в родном городе, в плену оккупации.

“Испытанная огнем”

В пути нас неожиданно постиг новый удар, новое горе: нашу помощницу, с которой мы прошли уже немало передраг, сестру Люду взяли в плен. Приехали домой вооруженные военные со злостным значком “Z” на машине, и на глазах у престарелых родителей, погрузивши Людмилу в машину, увезли в своё логово для допросов. Это произошло утром 25 июня. Всё последующее время мы не находили себе места, переживая о нашей сестре, молились за нее “всем миром”, скорбели и надеялись. Шесть дней её держали в плену, вели допросы, но наконец-то отпустили. В то время шли “облавы” на тех, кто остался в оккупации. Как обычно, искали партизан, наводчиков, нацистов и служителей церкви. Ниже вы сможете прочесть личное свидетельство Людмилы в небольшом рассказе.

В этот печальный день, когда выезды из города были перекрыты, в дом к пастору Александру пришёл сосед. Он сообщил, что есть “окно” для выезда из оккупации и, если в течении двух часов не воспользоваться ним, шансов может уже не быть. Выбор был невелик, угроза жизни становилась всё ближе и реальнее, поэтому решение выезжать не заставило себя долго ждать – пастор со своей женой и соседями отправляются в путь тремя машинами, через границу России, Беларуси, Польши к родной стране Украине. Путь был нелегким. Ехать через три страны со сломанной рукой и травмированной ногой было непросто, и, несмотря на все трудности, **они смогли добраться до цели с Божьей помощью и поддержкой!**

Рассказ девушки Людмилы попавшей в плен во время оккупации Балаклеи

“Пребывая на оккупированной территории, мы фактически потеряли любые права. Право иметь своё мнение, право любить свою Родину, право защищать свои интересы.

Мы все потеряли работу, потеряли элементарные условия для жизни: часто не было света и воды, не было лекарств, не было денег, не работали магазины, аптеки, больницы. Наше движение по городу было весьма ограничено территориально и во времени. Комендантский час длительное время начинался в 14-00 и заканчивался в 8-00 утра.

Разговаривая с людьми, необходимо было быть весьма аккуратным и осторожным. Нельзя было касаться политических тем и темы “специальная военная операция”. Ты никогда не знал, что за человек разговаривает с тобой, какую власть он поддерживает.

Общее положение общества напоминало 1938 год, когда люди друг друга сдавали новой власти по любой причине, то ли за твои предпочтения в политических взглядах, то ли в обыденных бытовых моментах.

Я не знаю, кто сдал меня и за что... Я не знаю, что такое страшное я сделала тому человеку. Но основанием моего ареста было моё настроение, то есть любовь к моей родной Украине, где я родилась, где я росла, где родились мои дети... Оказывается, если ты удовлетворен своей жизнью со своими родителями и детьми, то неправильно ты живешь, ведь так решил кто-то в соседней стране...

Кто бы ни был этот человек, но я должна его простить. Возможно, я так никогда и не узнаю, кто он. Возможно, намного легче простить человека, которого не знаешь, чем простить смотря в глаза предателю... Возможно, я ещё не готова к прощению, чтобы узнать, кто он. На всё воля Божья.

Коли до тебе лізуть в душу,
А потім сиплять туди біль,
Чомусь любити я їх мушу?
Не дивлячись на їхню цвіль.
Я мушу вірити щосили?
Бо Віра – то єдиний сенс
Пройти всі труднощі надміри?
Не бути зламанною вщент.

Говорят, что время лечит. Но я считаю, что нас лечит только Бог. Излечить причиненные войной раны сможет только Бог, через некоторое время...

Попала в плен я весьма неожиданно для всех. Никто и никогда не мог подумать, что это может случиться именно со мной. Это был удар, весьма болезненный.

За мной приехали восемь человек на трёх машинах: легковой автомобиль, бронированная “Газелька” и большой бронированный “Урал”. Это были военные в полном обмундировании, в бронежилетах, касках, с автоматами. Было такое впечатление, что я смотрю какой-то боевик, и эти солдаты приехали на задержание спецназовца или террориста, который окажет им жесткое сопротивление. Я, с моим ростом 158 сантиметров и весом 54 килограмма им, восьмерым, все ростом под два метра, как на подбор.

Они приехали именно за мной, по конкретному адресу, за конкретным человеком. Сказали, что это “паспортный контроль”. Забрали паспорта, телефоны. Старший проверял телефон, но ничего преступного, даже по их меркам, не мог отыскать. И тогда он нашёл смс, в котором было написано: “Молитесь за нас. Очень страшно”. Но он прочитал как: “Молитесь за освобождение Украины”. После этого он сказал, чтобы я собирала вещи, со мной хотят поговорить. Посадили в бронированную “Газельку” и отвезли в помещение типографии, в подвал. Выпуская из машины, нам на головы надели мешки – в типографии мы были часа три-четыре. Мы – это я и мои соседи: муж, жена и дочь 16 лет.

В подвале были перегородки от пола до потолка, сделанные из ящиков из-под снарядов. Такие себе импровизированные комнаты. Скольких таких комнат было, я не знаю. В нашей комнате было две клетки из толстого металла. Решётки были вкрученные в потолок и пол. Каждая клетка закрывалась на замок. Одна из них была занята, там был человек, и он стонал. Клетка по периметру была закрыта картоном из-под коробок так, чтобы не было видно, что там происходит. Нас завели в пустую. Там была лавочка, устланная картоном. В тот день был дождь, подвал протекал, а потому лавочка была влажной. Было весьма сыро. Под ногами была вода. На полу стояла пластиковая бутылка с какой-то жидкостью. Потом мы поняли, что это было. Через некоторое время человек с соседней клетки позвал охранника. Он попросил сводить его в туалет и сказал, что с завязанными сзади руками ему не удалось попить воды из бутылки. Когда охранник открыл соседнюю клетку, мы увидели мужчину. Его лицо было полностью синим, он едва передвигался. В туалет тут водили дважды в сутки. Мы понимали, что в той бутылке на полу. С соседней, так сказать, комнаты, нас позвал женский голос вопросом: “Сколько вы тут?”. Мы ответили, что нас

только что привели. на что нам ответили, что они уже трое суток тут. Мы сидели в этой клетке, как преступники, и вовсе не понимали, за что с нами так поступают. За что нас так презирают? За что можно так издеваться над людьми, морально и физически? Что сделал тот человек, что его так искалечили? Ответов у нас не было. Только вопросы.

Через некоторое время к нам пришёл охранник, нам вновь надели мешки на головы и вывели на улицу. Сняли мешки. Мы подумали, что нас ошибочно забрали и сейчас отпустят. Но всё оказалось не так. Нас перевели через дорогу к районному отделению полиции. Там, за воротами, снова надели на головы мешки, и повели дальше к камерам. Всё, что происходило, было как будто в страшном сне...

Мені не сняться страшні сни.
Оте все зараз, наяву.
Високі стіни, стеля метра три,
І у думках лише одне: “Чому?”

Камера была рассчитана на двух людей. Нас уже было четверо. В камере был унитаз, но из-за отсутствия света в городе воды не было, поэтому заходя в камеру, мы сразу почувствовали резкий запах канализации. Через некоторое время мы её уже не ощущали, мы дышали ею с каждым вдохом. Со временем мы все пропитались запахом этой канализации. Окно было, но оно было высоко и не открывалось. Было весьма душно, вентиляция также отсутствовала. Документы и телефоны у нас отобрали, поэтому мы не понимали, сколько сейчас времени. Время тянулось очень медленно. Забирали на допросы. Каждый выход из камеры был обязательно с мешком на голове.

В камере уже присутствовала женщина. Она была не из нашего города. Её привезли с другого населённого пункта, с другого района – она находилась там уже 14 дней. Её забрали за то, что сын служил в ТрО. На допросе она была лишь один раз, её заставляли позвонить сыну и уговорить его перейти на их сторону. Её били. А далее она просто находилась в камере и ждала, сама не зная, чего. Её забрали на четвертые сутки моего пребывания в камере. Надеюсь, что её выпустили, потому что я ничего не знаю о дальнейшей её судьбе. Но мы с ней говорили о Боге, я за неё молилась, о её освобождении из этого ужаса. Она мне ещё тогда сказала, что, возможно, я в этой тюрьме ради того, чтобы ей сказать о Господе. Не знаю.

Со мной были мои соседи – мать и дочь. Их забрали лишь за то, что их семья не понравилась военным, но, конечно же, с чьей-то подачи. Их тоже кто-то сдал. Их забрали на допрос на третьи сутки – сначала дочь, потом мать. В

камеру они не вернулись, мы думали, что их всё-таки отпустили на свободу. Но оказалось, что на допросе матери угрожали изнасилованием дочери на её глазах. Ей стало плохо, она потеряла сознание и их отправили в больницу. Таким образом, они получили свободу.

Потом привезли молодую девушку, которую обвиняли в том, что она была координатором ВСУ. Ее очень сильно били, над ней издевались. Каждый раз, когда она возвращалась с допроса, это был раздавленный, шокированный, напуганный ребёнок. Разговаривать нам один на один после допросов нельзя было. Нам угрожали карцером. Однажды, когда её привели с допроса, ее руки были в ожогах от электрошокера. Она присела возле дверей, и у неё начались судороги. Я пыталась помочь её, давала пить, брызгала на неё водой, но всё это не помогало. Я начала стучать в двери и кричать о помощи. Но никто не заходил. Так продолжалось минут десять. Потом наконец-то открылись двери, и появился охранник. Он сказал, что ничего страшного, но врача позвал, её вынесли с камеры. Вернулась она часа через два. Как оказалось, ей дали таблетку глицина под язык и стакан воды. Вот такое у них “лечение”. Потом я вместе с ней молилась о ее состоянии, о ее освобождении. Ее выпустили через два дня после моего освобождения. В плену она была в течении семи суток, каждый день были допросы.

Потом привезли взрослую женщину, у которой зять служит в ВСУ, и её также склоняли уговорить его перейти на сторону террористов. Её не били.

Меня на допрос не забирали. Я понимаю, что это именно Господь охранял меня по молитвам верующих. Каждый раз, когда кто-то с военных заходил в камеру, они спрашивали меня, за что меня забрали.

Интересно, на что рассчитывали эти люди?

Никто с этих женщин не перешёл на их сторону. Никто не поддерживал их войну, которую они так гордо называли “военная спецоперация”. Никто не ждал на “рузский мир”. Никто им не радовался. Никто не понимал, как такое могло произойти с нами сейчас, когда на дворе 21 век, когда мы в своей стране были свободными, мы имели своё мнение, мы могли говорить всё, что нам не нравится, мы могли защищать свои права. У нас, в нашей стране, нам никто не угрожал убить только за то, что мы имеем другую точку зрения.

Я была в плену 6 суток. Всё это время было очень страшно. Мы понимали, что в любую минуту могут открыться двери, любого из нас могут забрать и сделать с нами что угодно. И никто об этом никогда не узнает.

Когда люди говорят, что они не боятся умирать, я не знаю, насколько эти люди говорят правду. Вообще-то, я тоже думала, что я не боюсь умирать. Но когда возникла реальная угроза того, что меня могут забрать, бить, насиловать, а потом убить – мне было весьма страшно.

Я хочу жити, дуже хочу жити.
Жага життя дана мені Творцем.
І коли доля мене буде бити,
Я зможу укріпитись лиш Отцем.
Я хочу жити, дуже хочу жити,
Відчути радість оцього життя
Побачить, як зростають мої діти,
І вірити у краще майбуття.
Я хочу жити, дуже хочу жити.
І щоб життя моє не стало враз пустим,
Усіх простити та усіх любити
І на вагах не бути геть легким.

Ночью мы практически не спали. От страха, от боли, от отчаяния, от духоты... Мы лежали на голых деревянных нарах по двое, еще одна лежала на полу, постелив какой-то кожух. Отключались лишь на короткое время, потом просыпались и думали, почему это случилось именно с нами? Такой вопрос был у каждой из нас.

Чтоб не сойти с ума и хоть как-то отвлечься, я читала Евангелие, которое у меня было в рюкзаке, такое маленькое, как мы его называли – “военное” (мы раздавали такие на блокпостах). Иногда я читала вслух, когда меня касалось какое-то место с Псалмов – хотела донести девочкам. Я не знаю, они понимали то или нет, но слушали. Я говорила с девочками о Боге. Впервые в жизни я говорила людям о Своём Боге, Которого знаю. Говорила им, чтоб они молились, что Он слышит нас и не оставит, обязательно нас освободит. В камере была книжка Чарльза Диккенса “Приключения Оливера Твиста”, я её пыталась читать. И понимала, что на судьбу того маленького мальчика выпали более сложные испытания, но он их прошел и выжил; он был без Бога, а у меня рядом всё это время был Мой Небесный Отец. А ещё я писала стихи. Они приходили ко мне часто среди ночи, и тогда, как только на улице серело, и можно было что-то увидеть, я записывала.

Навіщо дав Господь мені земне життя?
Майбутнього нема у нас на цій землі
Лише надія є на вічні Небеса
І маємо її лише в Тобі!
Тобі Господь вся Слава і хвала!
Тобі Єдиному за всі Твої діла!

За вірність, за любов, за чудеса,
Які дають надію на Життя!
Життя з Тобою там, на Небесах,
Де щастя буде нескінченне,
Де невідомий буде для нас страх,
Де буде в нас життя благословенне!

Всё время я молилась. 24/6. Ещё не была я такой близкой к Моему Богу, как те шесть суток. Страшных суток, но одновременно и благословенных. Ещё никогда в жизни я так не доверяла Господу, как в плену. Сначала была истерика, отчаяние, страх. Потом я взяла себя в руки и начала вспоминать все обетования, которые говорил Господь на страницах Библии. Он обещал, что не покинет меня и не оставит меня, что Он будет держать меня за правую руку крепко, что даже волос с моей головы не упадёт без Его ведома, что Он любит меня более всех, что Он Бог, Который будет носить меня, поддерживать и охранять меня до самой старости, что Он не медлит, а всё делает вовремя. Я молилась, а Он молчал. Просто молчал, с Его стороны не было никакого ответа, но у меня было ощущение, что Он рядом. И это называется доверие. А ещё я почувствовала всю ту глубину вроде бы понятных нам вещей, что Он за меня пострадал намного более, чем я сидя здесь, что Он знает, что такое одиночество, когда даже Отец отошёл от Него, что Он спас меня ради Себя Самого, а это значит, что я для Него весьма ценна.

Неначе то страшний той сон
Здається те усе, то не зі мною.
І з мене рветься лише стон.
Як залишитися собою?
Як не зламатись?
Як те пережити?
І потім як людей тих не боятись?
І як нам далі потім жити?
Ми повернулись звідти іншими людьми:
Роздавлені, пригнічені, незламні.
Бо був із нами Бог у боротьбі,
За нас стояв Він у страшній тій брамі.
Він чув усі ті наші молитви,
Вони наповнили Його велику чашу.
Ми вірили Йому, як дітлахи,
Такої віри не було до того часу.

Я очень волновалась о своих родителях, которые остались дома. Особенно о маме. Моему отцу 80 лет, маме – 72. Я очень боялась, что её сердце не выдержит, поднимется давление – и что далее? Я понимала, что она жила, совсем не зная, где я, что со мной, и жива ли я. Ведь на то время у нас в городе начали массово исчезать люди. Они исчезали, их не было несколько дней, потом они появлялись. Но то уже были другие люди. Подавленные, раздавленные, потеряны. Я просила Бога помиловать мою маму, дать ей силы всё это пережить. На тот момент, когда меня забрали, в городе не было интернета, связи также практически не было, поэтому я думала, что о моём исчезновении, наверное, никто не знает. На следующий день, после ареста, у моего старшего сына был День Рождения. А я его поздравила накануне, ещё и сказала тогда: “Мало же, что может случиться, может, не успею...”. Так и случилось. Но моя мама очень сильная женщина, она молилась за меня день и ночь, она умеет доверять Богу, как никто. Она уведомила обо мне друзьям. Весть, как оказалась, разлетелась очень быстро. И я весьма благодарна всем, кто молился обо мне. Молились на разных континентах.

Кормили нас один раз в сутки, иногда – дважды. Но есть не хотелось, иногда ели только для того, чтобы были силы – пару ложек того, что давали. Воду просили, но воды приносили мизер. В камеру, в любой момент, могли ввалиться ДНР-ровцы, которые охраняли пленных. Они пытались быть вежливыми, но от них постоянно вырывалось их: “Мы мучились восемь лет, теперь вы должны помучаться” и вот тут проявлялось настоящее отношение к нам – это ненависть к нам за то, что мы любим свою Украину.

Однажды ночью зашёл старший с военной полиции, наверное он почему-то не спал, поэтому пожаловал к нам в камеру. Он был без балаклавы. Впервые мы увидели лицо “асвабодителя”, правда, в темноте. Он пришёл поговорить. О жизни. О причинах войны (он говорил именно слово “война”, а не “военная спецоперация”). Об уровне жизни в наших странах. Спрашивал о церквях в нашем городе, и верим ли в Бога. Говорил, что он “глубоко верующий человек”. Говорил, что в нашем городе семь сект, которые “разлагают молодежь”. Под этим он подразумевал протестантские церкви. Говорил, что перед отъездом в Украину, он выучил историю Украины. Он сидел рядом со мной, со своими вопросами обращался вроде не ко мне, но я понимала, что спрашивал он то всё, у меня. Он вновь спросил меня, за что меня задержали, и не понял.

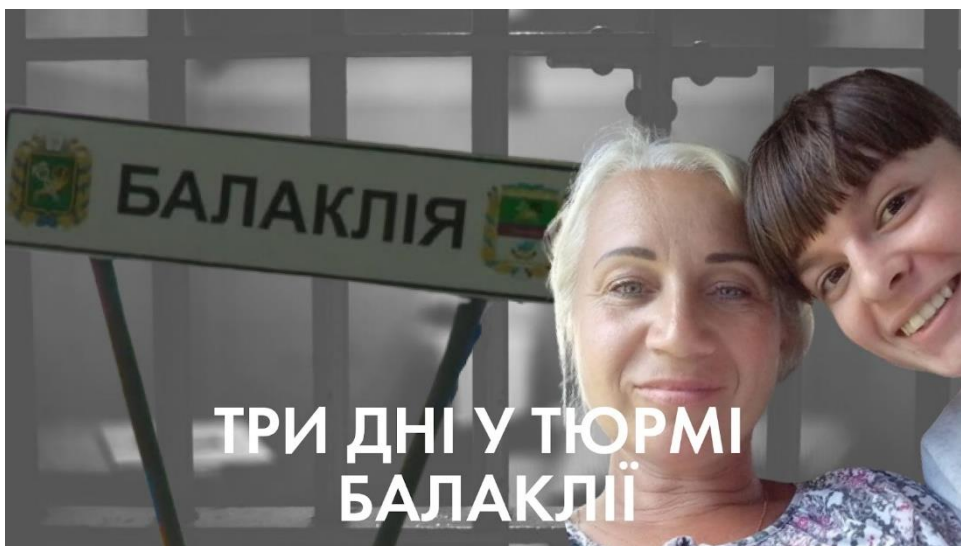
Через пару дней меня отпустили. Внезапно. Так, как и забирали. Даже не огласив обвинения мне, за что меня забирали, за что так издевались морально и унижали. Нашу самую молодую девочку привели с допроса, я стояла возле дверей, и сказала: “Девочки, если нас отпустят целыми и живыми, это будет

великое Божье чудо”. В этот же миг открылись двери, в камеру вошли двое и сказали, чтоб я собирала вещи на выход. Я собрала рюкзак. Мне надели мешок на голову, и повели к воротам. На свободу”.

Людмила Погорелова, г. Балаклея, Харьковская обл., Украина.

Октябрь 2022 г.

https://www.youtube.com/watch?v=Z TaFLP4iLg&ab_channel=RadioNV

<https://bihus.info/pyana-soldatnya-hodyla-kupoyu-na-neyi-dyvvtysya-istoriya-vchytelky-z-balakliyi-chyya-rodyna-projshla-kriz-okupacziyu-i-tyurmu/>

"Церковь без стен"

Большая часть из нашей церкви тех, кто смог выехать на территорию подконтрольную Украине, продолжали служить и помогать людям там, где они располагались, как переселенцы... Примыкали к волонтерским группам, помогали с расселением, заботясь о потоке беженцев, помогали в восстановлении и уборке разрушений после обстрелов, изготавливали печи "буржуйки" для обогрева и приготовления пищи, раздавали гуманитарную помощь, медикаменты, оказывали психологическую поддержку.

Возили в "горячие точки" Украины продуктовые пакеты, помогали с доставкой воды, участвовали в проведении Богослужений и раздаче христианской литературы.

Балаклейская церковь "Свет Евангелия" многие годы служила людям города и близлежащих селений, оказывая помощь как социально, так и духовно. В школах проводили уроки христианской этики, заботились о малообеспеченных семьях, проводили палаточные лагеря отдыха для детей, подростков, молодежи и семейных пар. Был открытый спортивный зал для молодежи, реабилитационный центр для нарко- и алкозависимых, помогали в уборке территории города, помогали жителям города в восстановлении

разрушений после взрывов 2017 года, разносили продуктовые пакеты и медикаменты нуждающимся во время войны, проводили Богослужения и молились о мире... Но оккупационные власти, с подачи местных коллаборантов, которые жили всё это время рядом с нами, были свидетелями дел этой церкви, дерзко отобрали храм под свои “нужды”, несмотря на то, что в городе много пустых светских помещений, складов, гостиниц и т.д.

Хотя в "последнее" воскресенье ещё собиралось в храме около пятидесяти человек, но, к великому сожалению, людей лишили этой возможности, обвинив в экстремизме, сектантстве и связью с Америкой, Германией, найдя христианские книги и детские журналы в церковной библиотеке с зарубежными авторами и издательствами. Также литературу в которой упоминается Христос, сочли недопустимой и вредоносной. Помимо всего прочего запретили вывоз церковного имущества, принадлежащего общине.

Они могут забрать здание церкви, но не нашу веру.

Они могут забрать наше имущество, но не наш внутренний стержень – Христа.

В книге пророка Захарии во второй главе стихе восьмом написано: **“Ибо так говорит Господь Саваоф: ...касающийся вас касается зеницы ока Его”**.

Поэтому, помолившись о сложившейся ситуации, предали мы всё в Божьи руки.

Патриотизм местных жителей

Находясь в оккупационном плену заявлять о своих политических взглядах было крайне опасно. В городе были те, кто лебезил перед российской властью, пытаясь обрести какое-нибудь расположение с её стороны, но как бы ты волку зубы не заговаривал, волк остается волком.

Несмотря на “военный прессинг”, среди жителей города было достаточно патриотов. Были те, кто старался держать свое мнение при себе. Были те, кто, общаясь с другими, невербально искал единомышленников и поддержки. Но вокруг было много и предателей, и доносчиков. Из числа местных жителей... Военные отлавливали наркоманов, пьянчуг и, видимо, прикормив их “вкусняшками”, получали нужную информацию. Передвигаясь по городу и внутри скопления людей, можно было буквально ощутить на себе обостренные, внимательные взгляды людей, пытающихся прочесть твои мысли. Также вокруг замечались люди с “ушами”, так сказать, любители подслушать и полюбопытничать. Поэтому доверять кому-либо нужно было очень осторожно, стараясь прежде думать, а после – говорить, чтобы не навлечь на себя и ближних неприятностей. Люди, любившие свою страну, – Украину, – пытались всячески помочь нашим воинам для продвижения наших войск к победе, чем только могли. Среди них были те, кто укрывал у себя и заботился о тех, на кого шла “охота”, кто был родственником военных или имел какое-либо отношение к ним. Были те, кто вычислял координаты и скопления вражеской техники, отслеживая их позиции, и отправляя информацию в “нужном направлении”, старались предупредить мирных жителей в направлении которых предварительно готовился обстрел со стороны оккупированного города. Были те, кто сражался на духовном фронте, молясь по несколько раз в день Богу за свой народ, за воинов и мирное небо. Вести открытое сопротивление при полной оккупации было практически невозможно. Город был разделен по секторам и контролировался блокпостами, а также режимными ограничениями. Тех, кто вел сопротивление, отслеживали, прослушивали, ловили, выбивали показания. Часто все заканчивалось очень печально. Но сопротивление было, и временами, весьма активное, но иногда и приходилось “залечь на дно”. Остальной простой народ служил населению города гуманитарно, обеспечивая помощь нуждающимся в ремонте домов, в уборке улиц, усыпанных битым стеклом и мусором, разнося больным и старикам продукты питания и лекарства.

Всем сердцем и душой мы желали, чтобы поскорее закончилась эта война, чтобы как можно меньше было пролито крови, чтобы как можно скорее мы пришли к долгожданной победе! Да пребудет со всеми нами Бог!

История одного из жителей Балаклеи, изъявившего желание остаться анонимным, но обозначившего себя как “мирный воин”

«Для меня, да и, наверное, как и для большинства Украинцев, война пришла неожиданно. Она пришла в мой город, в мой дом, в мою семью. Благодаря “русскому освобождению” наша счастливая жизнь остановилась и резко пошла под откос. Планы на жизнь, работа, имущество, покой и безопасность стремительно куда-то исчезли.

Мы не могли поверить, что всё происходящее – реальность, и когда наш город Балаклея был захвачен и оккупирован, мы смогли прочувствовать все прелести русского мира на себе. Чтобы спасти жизнь и здоровую психику жены и своих детей, пришлось отправить их подальше от линии фронта – в тыл Украины.

Когда началось массированное наступление российских войск, Украинская армия не могла еще обеспечить полную оборону всего периметра страны, и вражеская техника практически беспрепятственно въезжала в некоторые города. За несколько дней до вторжения в наш город, Украинские военные нашей части расставили блокпосты по периметру города и, вооружившись небольшим арсеналом, готовились к сопротивлению. Но так как местный военизированный состав не был рассчитан на ведение полноценных боевых действий (в/ч нашего города выполняла функцию обеспечения боекомплектom) и не имели в распоряжении необходимых ресурсов для обороны, им было приказано выйти из города и примкнуть к оборонительному составу, который направлялся на подкрепление в Балаклейский район. Возможно, это и сохранило город от сильных разрушений и жертв. Как показал непосредственный опыт российско-украинской войны – россия во время наступления на украинские города и сёла, использовала отточенную тактику в Чечне и Сирии – она просто стирала с лица земли маленькие населенные пункты, небольшие города, многотысячные городские агломераты, засыпая тоннами снарядов реактивной и ствольной артиллерии, бомбами авиации. В то время, когда наши украинские солдаты стояли по периметру города, многие мирные жители в спешке спасались от войны, выезжая из города в более безопасные районы. Все были в напряжении и ожидании чего-то непредсказуемого...

Мы с небольшой группой людей самоорганизовались с целью поддержать наших украинских военных и поставляли на посты горячий чай, кофе и сладкое. Там знакомились с военными поближе. Встречали уже ранее знакомые лица и вместе с ними сопереживали происходящее.

Надвигалась “буря”.

Мы понимали, что ничем не можем повлиять на ситуацию и просто пытались помогать тем, что было в наших силах и возможностях.

Когда наши военные выехали за пределы города, примкнув к стремительно подходящему подкреплению, нам пришлось “уйти в тень”. В то время, когда российские войска въехали в город и обосновались в нём, Украинские военные успели выставить свою оборону, расставив блокпосты по всему периметру, перекрыв российским войскам возможность дальнейшего продвижения со стороны Балаклеи в сторону таких населенных пунктов как Андреевка, Пришиб и далее. А со стороны Пятигорского и Меловой, по линии Байрак-Гусаровка-Петровское, шли жестокие бои, в итоге принесшие освобождение Гусаровке и продвижение наших войск в сторону Балаклеи! Наши бойцы и мирные жители, которые были в округе Балаклеи, подвергались жесточайшим обстрелам со всех видов оружия – грады, смерчи, самоходные артиллерийские установки, минометы, гаубицы, вертолеты и самолеты бомбили без остановки население Украинских земель... Лично я помню лишь две “спокойных” ночи, которые прошли в тишине без обстрелов мирных жителей и наших несломимых Украинских воинов, держащих оборону и стоящих под проливным дождем российских орудий. Я понимал, что там, за пределами нашего города, среди мирных жителей, настоящий ад и как сложно нашим военным выстоять, держа оборону. Но такой ценой нашим солдатам приходилось защищать остальную мирную часть населения Украины от войны и продвижения русских войск.

Я, по своей натуре и по жизни, более пацифист, но видя происходящее вокруг, видя незаконные российские военных по отношению к мирным жителям оккупированного города, видя постоянные расстрелы близлежащих поселков, решил вступить в ряды сопротивления и “партизанить”.

“Вступить в ряды” – слишком уж громко звучит, так как я принял решение действовать в одиночку, не желая подвергать других опасности. Не имея оружия, сопротивляться вооруженным людям очень сложно; приходилось размышлять о некоторых уловках и о том, как помочь мирным жителям выжить, а нашим воинам – хоть чем-нибудь в продвижении к победе. В моём подпольном арсенале было 4 крепких петарды, которые могли заменить шумовые гранаты, были доски с гвоздями и 25 метров стального троса, с помощью чего я планировал остановить или подпортить немного военной техники “пустив ее под откос”.

Пути передвижения по городу были опасными и рискованными, ведь постоянно нужно было пересекать блокпосты и обходить стороной патрулирующих дорогу.

Несмотря на многие преграды – мне удалось доставить нашим военным, находившимся на блокпосте возле цементного завода, подробную карту города, а также продуктовые пакеты на блокпосты Андреевки, Меловой и Пятигорска.

Совершить какую-либо диверсию внутри города не получалось, так как я боялся подвергнуть опасности мирных жителей, ведь в случае какого-либо чрезвычайного происшествия делали бы зачистки и могли бы пострадать невинные люди. Риск был слишком высок, и пришлось отложить эту идею, перейдя к более выверенным действиям сопротивления.

С помощью хитрых уловок мне удавалось обнаруживать “штаб-квартиры” военного руководства оккупированного города, которые впоследствии несколько раз меняли свое местоположение.

Также были зафиксированы места скопления военной техники и точки расположения военных подразделений России на территории города и за его пределами. Достав еще одну карту города и окрестностей, я сделал точные наброски координат расположения всех блокпостов российских военных, и важных объектов военной инфраструктуры.

Передвигаться в черте города было небезопасно. Мне приходилось искать возможность стать “невидимкой”: конспирация, маскировка, тактика и мозговой штурм стали частью моей повседневной “двойной жизни”. Особенную радость я испытал достав разведанные на одном очень важном отрезке оккупированной части Харьковской области. Были обнаружены и внесены в карту координаты нахождения скопления российских войск и военной техники, а также стратегически важные объекты инфраструктуры. Сложность заключалась в необходимости “удержать в голове” увиденное, а после перенести на карту, ведь любая фиксация могла обернуться опасностью на следующем блокпосте. И уже по прибытию в пункт назначения, все собранные данные и координаты отправились в двух направлениях к военным подразделениям Украинских военных.

Долгих полгода город Балаклея находился в оккупации, где люди день ото дня ждали освобождения.

При этом Украинские военные смогли с достоинством выдержать мощнейший натиск российских захватчиков, не уступив им ни на метр новых территорий Украинских земель!

Прошло немного времени и внезапно Украинские войска пошли в контрнаступление, в результате которого с огромным преимуществом в считанные дни разбили вражеские укрепления, освободив Балаклею и 95 % Харьковской области! Это было грандиозное событие для всей нашей страны, особенно для оккупированных городов, томящихся в беззакониях и преступлениях со стороны оккупантов России.

Это ещё одна победа нашей армии в борьбе со злом.

И это есть продолжение великого освобождения всей страны от гнета российского захватчика, начавшегося в середине весны 2022 года в результате освобождения Киевской, Житомирской, Черниговской, Сумской, Полтавской области! «Мирный воин» вернулся к прежнему образу жизни, продолжая вести тихие битвы на невидимом фронте в борьбе со злом, вторгшемся в Украинские земли».

Долгожданное освобождение города Балаклеи от российских захватчиков

8 сентября 2022 года, спустя более полугода воплей и страданий города-мученика Балаклеи от рук российских военных и их приспешников-коллаборантов, официально было подтверждено успешную работу украинских военных на Харьковском направлении. В ходе активных боевых действий удалось деокупировать г. Балаклея.

Уникальные кадры освободительного наступления Балаклеи

<https://www.youtube.com/watch?v=xJlzXzsCuZg>

Сны стали реальностью.

Молитвы обрели форму ответов.

А каждый настоящий балаклеец понял, что любовь к своему городу – то, что действительно наполняет нас. А эта любовь теперь окроплена кровью украинских бойцов, отдавших самое ценное – свою жизнь и здоровье, чтобы российский империалистический дух никогда не витал на просторах свободной и независимой украинской Балаклеи!

https://t.me/V_Zelenskiy_official/3181

Цена свободы

Тарас Риц умер 8 сентября 2022 года вследствие полученных накануне ранений во время боев за Балаклею с российскими оккупантами. Ему был 31 год...

<https://www.victims.memorial/people/taras-ric>

Алексей Юрченко – оператор телеканала “ПРЯМИЙ”, отдал свою жизнь во время освобождения Балаклеи 8 сентября 2022 года...

<https://nsju.org/novini/ukrayina-proshhayetsya-iz-svoyim-zahysnykom-zhurnalistom-oleksiyem-yurchenkom/>

<https://www.objectiv.tv/objectively/2022/09/22/v-boyah-za-osvobozhdenie-harkovshhiny-pogibli-devyat-voinov-krakena-foto>

Эпилог:

Напасть на мирное государство – подло, низко и бесчеловечно. Это предательство своего народа, идущего на убийство и смерть. Это миллионы израненных судеб и, в конечном итоге, – предсмертные конвульсии воспаленного грехом разума оккупанта с его режимом...

Последствия войны ужасающие: разрушенные города и сёла, погибшие дети, женщины и мужчины, люди разбросанные по всему миру, оставившие свои дома и ставшие беженцами, ища спасения и защиты в других странах. На момент написания книги более 1322 детей пострадали в Украине в результате военной агрессии российской федерации. Из них погибли 450 и 872 получили ранения разной степени тяжести. Невозможно сломить дух тех, в чей дом ворвался убийца, отобрав жизни его родных. Так, в противостоянии злу рождаются “киборги”, “защитники Азовстали”, воины-герои, которые будут стоять до конца, до победы.

Те, кто пережил оккупацию и войну, ещё долго будут судорожно вздрагивать реагируя на захлопнувшуюся дверь или неосторожно громко поставленную чашку на стол, будут заново учиться спокойно спать и думать о туманном будущем. А те, кто потерял родных и близких, долгие годы будут нести боль в своей израненной душе и сердце, возможно, так и не получив исцеления.

Хочется еще раз поблагодарить всех, кто участвовал в помощи и поддержке жителей нашего города, тех, кто помогал финансово, продуктами, медикаментами, транспортом, поблагодарить тех, кто встал на защиту всей страны. Особая благодарность тем, кто молился о нас и нашем городе – это было осязаемой поддержкой!

Но самое главное в этой истории – Бог, на Которого мы все надеемся, в Чьих Руках вся наша жизнь, к Кому возносим все свои молитвы и верим, что будем услышаны – Ему за всё слава и благодарение!

В конце этой истории я прошу прощения у тех, кого забыл упомянуть, за возможные неточности в деталях и событиях. Данные материалы были собраны и пережиты очевидцами, выжившими во время войны во временно оккупированном городе Балаклея.

Войной пропитаны стихи

Автор Погорелова Людмила

Як я любила своє місто: маленьке, затишне, рідненьке.
Я там зростала потихеньку, я там знайшла своє життя,
Я в ньому Господа знайшла, у ньому Церква моя рідна,
Були там друзів сім'ї, сини, батьки, робота плідна.

Боже мій, служила я Тобі, війна все те нам зруйнувала,
Розкидала людей по світу, все дороге душі забрала,
Ударила по нам із тилу,
Хто залишився в місті – в'язні,
Як я ненавиджу його,
Відкрилися навкруги блазні,
Які урвать хочуть свого.
Ми наче з розуму зійшли,
Усі ці наші люди в місті,
І стали всі, як хижакі,
І почали до влади лізти,
Усе вимірюють грошима,
Прибрати хочуть все до рук
Не залишитися пустими,
Не відчувають серця мук,
Їм все одно, що перед ними:
Садочок, Церква, магазин –
Все захопити захотіли.
З ними диявол не один.

Забрали Церкву нашу звірі,
Вони на Боже посяглись,
Не знають Бога вони в гніві,
І наші сльози полились.
Я вірю, Ти нас не покинеш,
Крізь пекло нас Ти проведеш,

Ми вірим, Церкву Ти повернеш,
В Свої долоні нас візьмеш
І наші сльози Ти своєю
Рукою ніжною утреш.

Як важко жити у пустому місті
Раніш тут був дитячий галас, сміх
А зараз скрізь панує гріх.
Розбиті вікна, дома, квартири...
Пусті будинки кричать від болю.
Біда погнала людей по миру,
Душа кричить: «хочу на волю!»

Коли закінчиться війна
Ми знову будем усі разом...
Багато горя принесла вона,
Але Господь зцілить наш розум.
Поки що важко вірити цьому.
Минають дні і ночі, тижні...
А постріли лунають потому,
Не даючи забути очі хижі.
А очі страшні у отих людей,
Які неначе принесли нам «миру»
Нагадують вони мені звірей,
І б'ють по нам вони із тилу.

Я думала, мені наснилася війна
Жахіття, постріли, розруха, смерть.
Я думала, прокинусь, а всього того нема
Але розбите все навкруги вщерть.
Я думала, мені наснилася біда
Для нашої рідненької України!
Я думала, прокинусь – поруч вся сім'я
І люди – не розкидані билини.

Нажаль, це все було не сон
Це все тут, зараз, наяву.
Нажаль, від болю в горлі ком
І у страхітті я живу.

В якийсь момент зламалося життя,
Всі наші плани, мрії та надії.
Все полетіло шкереберть у небуття
І почались в житті страшні події.
І почалась ота страшна війна.
Прийняти це не може здоровий розум,
Що все забрала назавжди вона,
Невже щасливими ми бути вже не зможем?
У Бога я запитую щодня:
«Коли закінчиться оце жахіття?»
А відповіді поки що нема.
І знову огортає нас страхіття.
Господь весь час не покидає нас.
Він поруч з нами, Він усюди.
На зміну нас самих дає нам час.
І на служіння людям.

Автор Поцелуйко Алексей

Былое...

Брат на брата войною восстал...
Ведь где-то такое уже было.
Грехом заполненное сердце
Черту запретную переступило.
Эдемский сад, Каин и Авель,
Через века отголоском эхо...
Для человека не стало уроком
Чей-то греховный прорыв к успеху.
Всё в этом мире циклично,
Всё пройдет, и когда-то потом по новой...
Ну а нам, живущим сегодня,
Вывод нужно сделать суровый:
От греховного, злого – к Святому,
К Богу, скорее склонить колени.
Он – Единственный Выход, Надежда.
Он – Единственный Шанс на спасенье.
Так Христос умирал на кресте,
Чтобы ты получил воскресенье!

Прощание...

А может это уже точка?
А так хотелось ещё жить...
Я думал, будет еще дочка,
Но кажется, что это точка..
Прошу прощенья, жена, дети,
Что не успел вам счастья дать –
Живите вы на белом свете
Ещё придёт вам благодать.
А может Бог ещё изменит,
Точку мою на прочий знак .
Мою реальность переменит...
Сейчас я с вами лишь во снах.
А, пробуждаясь, сердце рвётся...
Когда закончится война,
Мир обязательно начнется.

Смогу я снова вас обнять.
У Бога точка – запятая,
в Его руке вся жизнь земная.
Здесь все мы гости на земле,
На небе ждёт нас Бог к Себе.
Там будет истинное счастье,
Там будет истинная жизнь,
А здесь, среди войны, ненастья,
Лишь только Господа держись!
До встречи.
30.03.2022

Где ты был, Бог?!

Где Ты был, Бог, когда пришла война?
Когда людские судьбы под угрозой,
Когда взрывной волной рвёт все дома,
Когда есть жертвы, взрослые и дети, много...
Когда творится зло, все ищут Бога,
и ищут, чтобы обвинить Его,
Задать вопрос, где был всё это время Он?
Где ты был, Бог, когда Христа схватили,
когда судили, били, пригвоздили,
когда руками нечестивыми убили,
Где ты был, Бог?
Всё человечество затихло в ожидании ответа,
Пролей же Бог, ну, хоть немного света
на сумрачный и безответный наш вопрос:
“Ты почему всё зло не стёр с лица планеты
От сотворения земли до ныне всё в крови?...”
Нет, Бог не молчал, и Он ответил:
“О, человек, ты многое заметил...
Вопрос “Зачем?” и “Почему?”
Всё зло, с которым ты столкнулся,
Был выбор твой и воля лишь твоя.
По доброте Своей свободным сделал Я тебя
Вложил закон добра и совести, и чести,
но вас влекли свободы мнимой лести,
Черту законов преступая, мораль ногами попирая,

Вы отдалялись от Меня.
Все это время Я терпел, прощал,
любил, спасал и нежно направлял.
Остановить всё зло равно
– стереть с лица земли людей.
Ведь все преступниками стали
Из некогда святых детей.
Весь мир смешался, зло с добром,
запутавшись в сетях лукавых.
Христос за этот грешный мир
Умер в агониях кровавых.
Весь грех, всё зло, что человеку не подъять,
Он на себе понес, все наказания, муки,
Чтоб подарить тому, чей был вопрос,
Надежду, и любовь вместо разлуки.
Жизнь наша - Он, и только в Нём,
Свобода воли человека,
С Ним можешь ты найти себя
И на вопросы все ответы”.
31.03.2022

Он всё видит...

Нельзя забыть ту кровь, что на асфальте,
Среди разрушенных домов,
И все разбитые войною судьбы,
Их не вместить во сто томов.

Здесь словно кровь Христа,
Издравле стекшая крестом,
Сквозь веки и неистовы страданья
Стучит сегодня в каждый дом.

Там распяли любовь и Бога.
Там распят был весь мир греха.
Сегодня зло прошло пороги
В попытке показать себя.

О, кто мы люди? Немощны и бранны!
Казалось бы дыханья уже нет,
Но Бог явил Себя народу,
И воссиял надежды свет.

Он силы дал нам всем подняться,
Он силы дал противостать,
Он сил дает нам не сломаться,
В борьбе со злом не проиграть.

Враг человеческой души
В округе ненавистью дышит,
Но Бог в небесной глади и тиши
Молитвы праведные слышит.

Прости нас, Боже, где грешили.
Прости, где о Тебе забыли.
Вся власть принадлежит Тебе по праву
И вознесем Тебе мы славу!

Крестом победа

Его вели казнить.
Вели, Безгрешного, Святого.
Смогли Создателя вселенной обвинить,
Под чьим покоились покровом.
Всё зло и ненависть, в истоке – зависть,
Первосвященников порыв греха.
Толпа в безумии кричала: "Распни Его!"
И лились крики, как река,
Он шёл к победе – те не знали...
Погибель предвещали вновь и вновь.
Он шёл на крест, за нас страдая,
Спасение дать, прощение и любовь.
Толпа невежд в безумии кричала:
"Да будет распят, осуждён!"
Одна лишь мать с прискорбием стонала:
"Убийц, обидчиков, любить умел лишь Он"
Нет, для смерти не было победы,

И ликованье ада приостановилось,
Когда из уст Христа в дыхании последнем
Слетела фраза: “Всё свершилось!”
И люди с казни шли домой,
И в грудь себя, что силы били,
Грехом обманутые, злом,
Там сына Божьего убили...
Сегодня нет уже прощения,
Христос во гробе – тишина...
Но в третий день – вот изумленье!
Пришла спасения весна.
Христос, наш Бог, воскрес из мёртвых
Он жив сейчас, Он с нами, здесь!
И каждому, кто это слышит сердцем,
пришла, наполнив жизнь, Благая Весть.
Есть жизнь, есть милость и любовь,
Прощение есть, и Божий есть покров.
И вот Христово воскресенье
несёт для каждого спасенье!
23.04.2022

Выбор

Я размышлял, как быть мне:
Мудрым во Христе или безумным Христа ради?
Как хорошо, что выбор дан и я могу решать:
Быть соработником у Бога, что-то строить, созидать.
Или пресытившись, обогатившись, царствовать во славе,
Иль голод, жажду, наготу, побои, обретать.
За кем идти, кому мне подражать,
Чтоб жизнь прожить и не жалеть о прошлом?
Я раздвоился сам в себе – боюсь я сам себе признаться
К чему душа моя влечет, куда же мне за ней податься?
Мне б золотую середину отыскать,
Для жизни мне ведь многого не надо,
Достойную зарплату, дом в тиши, семью,
По воскресеньям свято в церковь,
Воспеть, прославить, послужить,
А в остальное время жизни, как полагается пожить.

Ведь многие живут и перспективны,
Провозглашая царство Божье на земле.
Ведь “жизнь с избытком” – это по Писанию
И нравится оно конечно мне.
Здесь каждый сам себе решай,
Как за Христом идти и с чем попасть нам в рай,
Как жертвенно и в посвящении служить
Иль для себя немножечко ещё пожить.
Здесь нужно мудрым быть или безумным Христа ради?
Я вновь задам себе вопрос такой.
Ответ здесь будет, априори, непростой.
Ведь мне решать, какую цену заплатить,
Как говорил Шекспир: “Быть иль не быть?”
Решать лишь мне, что положу на чашу я весов,
Лишь осознав всю глубину своих грехов,
В знак благодарности Христу за искупление
Всю жизнь отдам Ему я без сомненья!
06.04.2022

Вдохновлено 4-й главой 1-го Послания апостола Павла к Коринфской церкви

Небесные войны

Господь ведет своих героев верой,
Тропой тернистой, узкой, непростой,
Он подкрепляет их небесной силой
И в небе ждет их город золотой.

Мы здесь, как овцы среди волков,
Таков наш путь – мы будем смелы.
Мы ощутили тяжесть их оков
И видим, как уж жатвы побелели.

Здесь наша брань не против человека,
А против черной орды тьмы,
Мы с Господом окажем силу и победу,
Ведь Бог ведёт к победе, а не мы.

За душу человека стоит побороться,
За немощных – принять к себе удар,
И песня с наших уст еще польется,
Тогда противник испарится словно пар.

Еще поднимемся и встанем, сёстры, братья,
Расправим крылья, как орлы, и полетим.
Поднимем еще наше знамя,
Врагу родную землю не сдадим.

Христос победу совершил,
Всё зло, весь грех и ненависть людскую,
Он ко кресту всё пригвоздил,
Взял на Себя всю боль земную.

О, человек! Остановись!
Взгляд к небу, с покаяньем, обращая,
В смирении пред Господом склонись,
Прощенья дар, любви от Бога принимая.
18.05.2022

Пастору

Кто за людей в проломе станет?
Всю жизнь, для них кто посвятит?
И льва увидев, кто убежать не станет?
И их, а не себя, кто защитит?

Служенье пастора, оно такое,
Сравнимо иногда с героем,
Но жизни участь нелегка,
Вести людские души в облака.

О, сколько мудрости, любви и сил, терпенья
Он положил за непослушных нас,
Отдав все годы жизни Церкви,
В мольбе склоняясь за нас в вечерний час.

Семья, жена, родные дети,
Отца отдали для других,
Себя порой балуя встречей,
Лишь изредка, на выходных.

А выходной у пастора – все знают.
Под вечер домой придя, он в немощи, без сил,
Весь день к душе он в попеченьи,
Нас всех в молитве к Богу приносил.

Шли годы, силы уходили,
Он жил и нас учил любя,
Учил любить, прощать и жертвенно служить другим,
Порою забывать себя.

Служенье пастора – и жертвенник, и крест,
То всё в одном – пример Христа, апостолов и тех,
Кто жизнь свою для всех раздал,
Прожив её без радостных утех.

В такой духовной битве часто ты – один.
Других порою рядом нету,
Но Верный Бог всегда с тобой,
В любви своей готов объять Он всю планету.

Наш пастор не наёмник, нет,
Он нам пример для подражанья,
И с ним готовы мы везде во всём, трудится и служить,
И всех людей, как он, прощать и с трепетом любить.

Автор Кашаньк Богдан

Вітер чи вогонь?
Они стреляли днём.
Нищість і божевілля.
Переступили границю.
Холод обплутує зсередини
А время поджимаєт.
Міцність стоїть у зеніті
А мысли далеко не с нами.
День чи три, я збився відучора
Сеть и связь пленили самозабвенно.
Герць посеред поля
Миг, не в небе, слава Богу.
11.03.2022

Смерть поруч.
Ходить по країні
І дихає спільно:
Одним із екранів,
Іншим із вікон,
А третім взагалі – просто з-над голови.

До неї ближче за крок.
І може бути, що комусь це буде за урок?
Ет, ні. Їй років сотні кубічних не метрів,
А у Маріуполі, на ганку, біля майбутніх яблук, зібралось віче. Вічне!

А сонце! Яке у березні сонце!
Тамуючи обрис замерзлих шкір
Люди моляться, бідкаються, жахаються та не складаються
У Родзинковому окрузі, що на Слобожанщині.

Облудним “героям” не місце тут.
А біль за тобою ще довго гарсатиме
І впаде. І встане. І буде до краю
Світити всім сонце із жовто-синього гаю!
22.03.2022

Пташки співають –
А там вмирають.
Дерева вбираються, готуються
А ліс мовчить.

За день чи два
Морок не минає.
Яри наповнюються, колихаються
А згадки на очах мокріють.
10.04.2022

По дванадцятій опівночі.
Лле. Заливає.
У великодню ніч.
Христос перемагає.
Україну сльозами омиває.
Біль переймає.
Ніч і смерть долає.
Ще трохи. Ще мить.
Засяє Господь посеред гробу,
Щезне і роса на сонці, браття-герої!
24.04.2022

Ненавиджу.
Сидячи за столом
Попиваючи чай
У теплі зберігаючись.
Горе долом.
Землею стікаючи
Думок позбавляючи
Злість скрипить хором.
Блищить срібло.
Напад готувався з-під спин.
Хрестами милувався.
Христом зруйнувався.
23.04.2022